

Чудо

Автор:

Владимир Корн

Чудо

Владимир Алексеев

Кто дергает за ниточки? Ты управляешь информационным фоном или он тобой? Кто они – загадочные и экстравагантные технологи общественного мнения, капитаны индустрии или профессиональные подлецы? Битва идеологий идет на земле и на небе. Кто же победит и есть ли у людей альтернатива прогрессу? Справится ли человек с соблазном стать сверхчеловеком? И можно ли ради огромного блага совершить зло? Сплетение убеждений и лжи, интриги и тайны, противостояние длиною в тысячи лет – в новом романе-антиутопии Владимира Алексеева «Чудо».

Владимир Алексеев

Чудо

© Алексеев В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

2036. Манифест веры честного человека

Я верую, но для моей веры не нужны:

- символы веры,
- название религии и сама религия,
- имя Бога,
- изображение Бога,
- изображение или иное материальное проявление знака веры,
- церковь и церковная организация, церковная иерархия,
- любой посредник между мной и Богом,
- святые, мученики, святые места, здания, реликвии,
- обоснования существования Бога,
- Святое Писание,
- ритуалы, праздники,
- молитвы,
- название для моей веры (мне не нужно называть себя неконфессиональным верующим или итсистом),
- чудо,
- и многое другое, в чем обычно нуждаются верующие разных конфессий.

Борис Андреевич...

...Устраивал встречи только у себя, кто бы о них ни просил. Он любил идти сзади, чтобы я входил в переговорную комнату первым и первым здоровался с находящимися в ней людьми. Чтобы я был вынужден первым занимать место. Он не объяснял мне почему, но, мне кажется, так он успевал оценить обстановку и интуитивно настроить идеально подходящий к компании образ. А делал он это в совершенстве. Безошибочно определял, кто здесь принимает решение, а кто просто для красоты, и в нужный момент брал самую точную ноту, мгновенно входившую в резонанс.

Это происходило обычно не сразу. Сначала он делал вид, будто бы совершенно ни при чем, словно попал сюда по ошибке. Он начинал говорить после заметной паузы, тогда, когда всем давно казалось, что дальше молчать уже нельзя. Бывали случаи, когда он совсем не заговаривал. Мог молча уйти, подкупаясь улыбнувшись, как бы извиняясь, но не попрощавшись. Мог еще приложить палец к губам, мол, продолжайте, не обращайтесь на меня внимания.

Никто не мог понять и предсказать, что именно заинтересует Бориса Андреевича. Но если ему становилось интересно, он бывал самым чутким и понимающим человеком на всем белом свете. И даже его несимпатичная внешность – круглое лицо с маленькой бородкой, влажные глазки и слащавая улыбка – становилась как будто приятной. И еще эти слова, которые он произносил. Такому невозможно научиться за всю жизнь, надо было, видимо, родиться Борисом Андреевичем. Иногда люди просто замирали и ошеломленно смотрели на него, открыв рот. Как будто господин великий консультант поистине обладал умением читать мысли и видеть будущее.

В этот раз все было иначе. Наши гости были слишком важны, и Борис Андреевич чувствовал, быть может, впервые в жизни, смущение. Его секретарь – женщина-робот – имела четкие инструкции: кто бы ни позвонил, шеф встречается только у себя в кабинете. Но звонок был из приемной президента. Несмотря на свою баснословную популярность и верность профессии, Борис Андреевич до сих пор не консультировал президента и не ждал этого звонка. Должно быть, что-то в мире менялось, что-то пошло не так.

Помню, я вошел в небольшой зал переговорной, как всегда, первым и увидел его. На входе в нашу собственную переговорную стояли два охранника. Нас похлопали по бокам и впустили внутрь. Он стоял спиной ко входу, разглядывая многочисленные дипломы и награды нашей фирмы. Еще два мужчины и одна женщина с взволнованным лицом сидели за столом. Три пары глаз смотрели на

меня так внимательно испытывающе, что я не смог сразу заговорить.

- Добрый день, господа! Добро пожаловать! – услышал я из-за спины голос шефа. – Если мы как-то можем быть полезны, будем рады служить вам.

Почувствовав руку на плече, я машинально сел. Борис Андреевич продолжал стоять, ожидая действий президента.

- День добрый! – тихо, не поворачиваясь, начал наш гость. – Борис Андреич... Вас ведь так зовут?

- Да, – ответил шеф так же тихо и как-то очень по-дружески мягко.

Мгновенно возникла атмосфера доверительной беседы двух старых приятелей. А остальные? Остальные напряженно следили за началом диалога, впитывая каждое слово.

- Борис Андреевич, вы верите в Бога?

- Господин президент, я профессиональный консультант, мое мнение не играет роли. Важно, что я могу сделать.

- Это правильно, – сказал он, ставя награду, которую рассматривал до этого, на место и поворачиваясь к собравшимся, – и все же? Разве можно в таком возрасте не думать о чём-то, что будет в дальнейшем?

- У меня, к счастью, пока еще нет на это времени. Вы можете быть спокойны.

- Значит, вы уже слышали?

- Да, я слышал.

- И что вы об этом думаете?

- Чудес не бывает, господин президент. Хотя теперь, когда вы сами приехали ко мне в офис, я начинаю сомневаться.

– Что вы имеете... – начал президент и громко засмеялся, заставляя своих спутников вздрогнуть. – Вы абсолютно правы, чудес не бывает! Не забывайте об этом, Борис Андреевич. Даже если вам неожиданно покажется, что это не так. Итак, если вы знаете, зачем мы здесь, сможете ли вы нам помочь?

– Господин президент, у меня только один вопрос, если позволите?

– Да. Но если вы спросите, правда ли то, что вы об этом слышали, лучше даже не начинать.

– Нет, ну что вы, я уже знаю, правда ли это. Меня интересует другое.

– Ха, – президент снова громко засмеялся. – Что же?

– А вы сами верите в Бога?

– Борис Андреевич, президентство – это тоже работа, – сказал президент, мрачно улыбаясь. – И мое отношение к вере никак не связано с выполняемыми мною государственными делами. Надеюсь, что это понятно.

Борис Андреевич выдержал традиционную паузу. Надо сказать, что я за эти десять секунд, которые, по моим ощущениям, длились дольше десяти минут, готов был провалиться под землю от смущения.

– Тогда я согласен. И поверьте, я сделаю все, на что только способна моя профессия. Но мне, конечно, хотелось бы знать все детали.

– Вы их получите от моих людей. И еще, Борис Андреевич. Искренне верю, что вы понимаете – мы не будем подписывать договор о конфиденциальности, но с этого момента ваша конфиденциальность и ваша жизнь идут рука об руку.

– Господин президент, – сказал шеф, совершенно не смутившись, – это мне хорошо известно. Когда-нибудь вместе со мной в Лету канет обширный калейдоскоп корпоративных тайн, чужих секретов, постыдных грехов и гомерически смешных курьезов из жизни высших слоев общества. Такая уж у меня профессия.

Президент кивнул сначала шефу, а затем своим спутникам. Через мгновение он вышел. После этого самый серьезный и сосредоточенный из двух мужчин протянул мне бумагу. Я взял лист и посмотрел на надпись. То, что я увидел, было поразительно. Ошеломленный, я попытался показать цифру гонорара шефу, но он демонстративно не стал смотреть. Нахмурившись, он встал и начал ходить по комнате, что-то бубня себе под нос. Так, как будто рядом никого не было. Должен признаться, я никогда еще не получал такого предложения. Назвать его щедрым – все равно что смущенно промолчать. Моя фантазия рисовала поистине огромные по масштабу проекты, которые можно было бы повернуть на эти средства. Но шефа, похоже, заботило что-то другое.

– Значит, это правда, – сказал он твердо, поворачиваясь к двум мужчинам и взволнованной женщине. – Произошла утечка, если я не ошибаюсь. Как это возможно, если там армия?

– Солдаты. Дети в форме. Вы, похоже, недооцениваете масштаб проблемы. Разлом всех сводит с ума. По ошибке караул не сменяли всю ночь, и оба караульных сбежали.

– Хорошо, что у них не было камеры, – шеф хихикнул, – А что значит вот это ваше – сводит с ума? Я могу сам посмотреть?

– Что? Нееееет! – не удержалась женщина. – Вы даже не представляете, как это опасно! Еще ни один человек не справился с собой. Нет, это невозможно. Исключено. Но мы ознакомим вас, конечно, с материалами.

– Это плохо, – сказал шеф и снова начал ходить по комнате.

Мужчины переглянулись, и второй достал чемодан из-под стола, открыл его и вынул альбом.

– Посмотрите.

Я начал листать альбом, а Борис Андреевич мельком заглядывал в него через мое плечо. На фотографиях были люди с широко раскрытыми блестящими глазами – судя по всему, безумные фанатики. Кто-то вздымал руки к небу, кто-то повисал на руках военных, отказываясь идти, кто-то рвал на себе одежду.

- И сколько их теперь в нашей обширной стране... и даже в какой-то степени в нашей необъятной и гостеприимной Родине? - отстраненно спросил шеф.

- Мы не знаем. Но речь уже о тысячах в разной стадии безумия.

- А что, это заразно?

- Что? Нет, это не болезнь, - сказал второй мужчина. - Это больше похоже на псевдопрозрение. Когда с ними разговариваешь, такое чувство, что они знают что-то больше тебя, а выслушивают просто из жалости.

- Но они вызывают сочувствие у остальных?

- Они очень убедительно рассказывают.

- О чем?

- О чудесах.

Борис Андреевич сел и замолчал. Он выглядел слабым и растерянным. Люди, которые не знали его, могли бы сейчас подумать, что перед ними старый запутавшийся, потерявший все неудачник. Я уже знал, что именно в таком виде он создает свои профессиональные шедевры, разрабатывает божественные стратегии. Надо было только немного подождать.

- Господа, прошу поправить меня, если я где-то ошибусь, - начал шеф. - Около месяца назад в провинции Б. земля разошлась и образовался Разлом. За несколько дней новость о его чудесных свойствах облетела всю провинцию, но военным из части, расположенной рядом, удалось перекрыть доступ к Разлому. И на время проблема с утечкой информации была решена, но Разлом начал воздействовать на военных, и пошел слух о Чуде, о Втором пришествии, о Конце света. Все верно?

- Да.

- Сейчас вы контролируете все средства массовой информации и интернет, но люди делятся друг с другом, и остановить распространение слухов и домыслов

все сложнее, и кажется, что закрыть этот ящик Пандоры уже невозможно. Я корректно понимаю ситуацию?

- Да, - в голосе мужчины была обреченность.

- Должно быть, сотни людей собираются на границе оцепления Разлома?

- Десятки тысяч.

- Десятки тысяч... хм. Что ты думаешь об этом? - неожиданно обратился шеф ко мне, что меня невероятно смутило.

- Борис Андреевич, я согласен, что чудес не бывает, - начал я, - поэтому необходимо отправить туда ученых, СМИ, пусть все проверят. Пустить людей, чтобы убедились, что там нет ничего особенного. Неделя, другая, и все забудут про Разлом, как про шутку, - сказал я и оглядел собравшихся в поисках поддержки.

- Нет! - почти закричала женщина. - Если это ваша рекомендация, то мы уходим. Это невозможно!

Шеф показал ей рукой не вставать, и снова образовалось молчание. Ему поддержка была не нужна. По крайней мере, не этих людей.

- Ну хорошо, - сказал он наконец. - Я знаю, как мы поступим.

Однако шеф не стал делиться своим знанием, а вместо этого мило со всеми попрощался. Когда гости ушли, Борис Андреевич из состояния философски задумчивого как-то сразу стал очень возбужден. Он выхватил у меня бумагу и внимательно несколько раз перечитал все, что было в ней сказано. Из нее следовало, что благодаря новому заказу наша фирма увеличивает свой годовой оборот примерно в пять раз. Нельзя сказать, что у нас был недостаток заказов или масштабных проектов. Все было чудесно. Но таких заказов и таких масштабных проектов я не припоминал. Судя по сверкающим глазам Бориса Андреевича, он тоже.

- Клавдий, иди за мной! - скомандовал шеф и двинулся к своему кабинету.

Мне не требовалось отвечать, я, как обычно, проследовал за своим начальником, духовным наставником и учителем. За человеком, которого я считал самым великим профессионалом своего дела, непревзойденным мастером. Я старался перенимать все лучшее из его опыта, но иногда мне начинало казаться, что я никогда не научусь у него всему. Я записывал все его идеи и решения, и в следующий раз, когда он спрашивал, как поступить, я использовал одно из них, но это всегда было неверно. Просто потому, что Борис Андреевич каждый раз излагал новую идею и новое решение. Где он их брал, понять было невозможно. И да, меня зовут Клавдий. Не в честь римского правителя, а просто потому, что так называли меня мои родители. Но об этом позже.

Мы зашли в его кабинет, и шеф показал мне на диван, а сам полез в стол, где у него была припрятана бутылка виски. Его руки с трудом скрывали дрожь нетерпения. Горлышко бутылки один раз даже звонко коснулось края стакана.

– Держи.

– Борис Андреевич, я не...

– Держи, сегодня можно.

Делать было нечего. Он сделал большой глоток, поморщился и снова припал к стакану. Я сжимал виски в руке, делая вид, что не просто подношу к губам, а тоже пью.

– Прекрасно, – начал он привычным мне довольным голосом.

Он порозовел и, кажется, собрался с мыслями.

– Ты хотя бы понимаешь, что нам предстоит сделать? Мой бедный Клавдий, как бы ты все это назвал? – его глаза бегали.

– Борис Андреевич, это, конечно, очень масштабная работа, – начал я, не совсем понимая, что именно он имеет в виду и что хочет услышать.

– Нет-нет, это все не то. Дело не в масштабе. И даже не в гонораре, хотя, конечно, это тоже важно. Но только представь вот такую картину. – Он

показывал руками, как показывают что-то большое. – Представь, что сейчас тридцать там какой-то год от Рождества Христова. Самый расцвет Римской империи, ее влияние на весь мир сложно переоценить. И ты, Клавдий, представитель Рима, наделен исключительными, почти божественными полномочиями. Ты прокуратор Иудеи, и твое слово на этой забытой Богом земле все равно что слово самого Бога.

– Вы шутите, – сказал я невольно на выдохе.

– Нет, представь. Seriously. – Он возложил мне на плечо руку. – Ты наместник римского императора и можешь все. Все! Так тебе кажется. И вот к тебе приводят несчастного мученика по имени Иисус. Он выглядит беспомощно и больше всего напоминает умалишенного. А вот теперь самое главное. – Он допил виски и решительно, со стуком поставил стакан на стол. – Тебе вдруг становится достоверно известно, что этот несчастный сильнее не только тебя и всей твоей армии, но и всех армий во всем мире сейчас и всегда потом. И когда он умрет, он станет только еще сильнее и могущественнее. Он покорит Рим, уничтожит все, что для тебя ценно, и то государство, которое делает тебя Богом, будет разрушено во имя Его. Что бы ты сейчас ни сделал, он победит, а ты проиграешь. Тем не менее в данную секунду так уж случилось, что он в кандалах перед тобой и ты можешь сделать с ним все что угодно. Что же ты будешь делать?

– Борис Андреевич, я... я...

– Не ты, голубчик. Это я теперь прокуратор Рима, – сказал он, повышая голос. – Это мне предстоит теперь совершить страшный выбор. Точнее, я уже совершил его, и знаешь что?

– Что?

– Я ни секунды не сомневался. И я не лукавил, когда говорил, что сделаю все возможное, все, что только способна сделать моя профессия. И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что моя профессия только тогда олицетворяет силу и власть, когда она сталкивается с самым невозможным, самым невероятным, самым сложным

вызовом. И принять вызов для меня куда важнее всего остального, всех мук совести и этических страданий. Это пустое. Так что, Клавдий, готовься к командировке. Мы едем спасать наше государство, спасать весь мир, и, да что уж там, мы едем спасать нашу профессию.

Борис Андреевич еще довольно долго фонтанировал историческими справками и сравнениями, не прекращая подливать себе виски. В начале это было довольно увлекательно, но по мере опьянения он все чаще повторялся, становился эмоциональным невпопад и терял нить изложения. Однако перед тем как меня опустить, он сказал:

– Нам нужны апостолы. Которые понесут наше слово в массы. Клавдий! Иди и подготовь чарт команды. Ты знаешь, что делать. Бери наших лучших сотрудников, одного иностранца, желательно итальянца, и несколько внешних консультантов... Даже не вздумай мелочиться с гонораром. Понял?! Иди, Клавдий, иди!

Борис Андреевич часто вел себя экстравагантно и мог даже в рабочее время крепко выпить. Если при этом он не засыпал, то мог выйти к сотрудникам и докучать им странными вопросами, мог грубо подкалывать их и дурачиться. Новичкам могло показаться, что это развращенность и слабость шефа. Некоторые даже по глупости позволяли себе фамильярности, панибратство или ответные грубости. Я точно знал две вещи: во-первых, шеф теперь особенно внимателен, глупо улыбаясь, он пристально следит за всеми, и не стоит попадаться на его удочку, во-вторых, именно сейчас, вот в эту самую минуту безобразий, он и рождает свои гениальные идеи. С ним было непросто, но надо было терпеть, каждое мгновение осознавать, что это часть его и твоей работы, ну и верить, верить в то, что в этот раз будет так же хорошо, как всегда. Что шеф вернется к нормальному состоянию и все будет безупречно.

В этот раз он уснул и очнулся, видимо, только в полночь. Сразу написал мне сообщение. «Как дела с командой?» И я тут же ответил: «Предварительный список у вас в почте». Больше ночью он не писал, а утром поменял в списке кандидатуры двух человек. Убрал итальянца и самого дорогого внешнего подрядчика. Мелочиться не стоило, но и транжирить было ни к чему. Встречу с потенциальной командой мы организовали уже на следующий день. Никто не отказался.

Борис Андреевич пришел, как всегда, последним. Выглядел он не так, как обычно. Это был совершенно новый образ, во всяком случае, насколько я знаю, раньше он так никогда не одевался. А после этого дня он стал выглядеть так почти всегда. Сам он называл свою одежду национальным шумерским костюмом и утверждал, что является прямым потомком правителей шумерской цивилизации, и потому имеет право так появляться на официальных встречах и приемах. Позже в нашем офисе на стене появились две таблички: одна глиняная, где было написано, что-то на арамейском, но что – неизвестно, и вторая – справка на английском о происхождении рода Бориса Андреевича от национального героя Гильгамеша. В справке упоминалась и глиняная табличка, которой приписывалась дата, соответствующая двадцать девятому веку до нашей эры, а место происхождения – Месопотамия.

Костюм в целом можно было принять за шумерский, потому что никто из оппонентов Бориса Андреевича никогда не видел шумерского костюма. Костюм состоял из красно-золотого плащ-халата с такого же цвета войлочным колпаком. Удивительным было то, что на шефе он смотрелся гармонично и даже ему шел. Члены команды и подрядчики были далеко не новичками и понимали, что обратить внимание на выходку шефа – значит потерять час драгоценного времени, и все просто поздоровались.

– Пожалуйста, продолжайте, не обращайтесь на меня внимания, – сказал шеф с милой улыбкой, несмотря на то что все ждали именно его.

К такому варианту развития событий я тоже был готов и подготовил сценарий, идеально подходивший для такого случая. Чтобы оценить это в полной мере, стоит сказать два слова о тех, кто собрался за столом. Генеральный директор ведущего информагентства, руководитель главной социологической компании по опросам населения, известный политолог, ведущий вечерних новостей, глава церковной службы по связям с населением, заместитель министра полиции, детский писатель, а также генералитет нашей фирмы – пять вице-президентов, два старших вице-президента, шеф-редактор и я – помощник шефа. Эту компанию можно было расшевелить только одним способом.

– Если кто-то в этой комнате имеет ограничения этического характера и не может быть объективным, прошу сразу об этом сообщить. Это стандартная процедура по нашим комплаенс. Мы не можем платить организации, есть возникают такие обременения, – сказал я.

– О чем идет речь? – поинтересовался социолог.

– О вере в Бога. Если ваше вероисповедание и религиозные ценности могут войти в конфликт с этим проектом, надо отказаться. Все поймут, что это не грубый отказ, а честная позиция.

Все невольно обернулись на церковника.

– Не волнуйтесь, все в порядке. Можем продолжать, – сказал он, бросая высокомерный взгляд на коллег. – Моя совесть не пострадает от этого благого дела.

– Спасибо. Кто-то еще хотел бы высказаться?

– Я думаю, что участие святого отца в этом благом деле просто кощунственно, – заметил замминистра полиции. – Нам придется разгонять толпы религиозных фанатиков. Возможны жертвы. Причем это не какие-то язычники или староверы, это ваша паства, батюшка. Вы готовы к этому?

– Эти фанатики не имеют отношения к церкви. А значит, не имеют отношения и к религии. Мы их не признаем, – отрезал священник.

– Святой отец, – вступился детский писатель, – эти люди истинные верующие. И они верят в вашего Бога. Как вы можете?

– Довольно, довольно. Не учите меня религии. Истинные верующие ходят в церковь. Пусть хоть Христос второй раз спустился бы на Землю. Если это произошло бы не в церкви, мы бы и Христа признали опасным фанатиком.

– Вы так всегда и делаете, – отозвался телеведущий, прикрывая рот, чтобы не выдать смешка. – И это всегда плохо заканчивается.

– Давайте серьезно, – твердо сказал руководитель информагентства. – Что мы все здесь делаем? Несколько хороших вбросов, и народ забудет про этот Разлом. Или нам не это надо? Я хочу более точно понимать задачу.

– Вот это уже правильный вопрос, – поддержал политолог. – Надо ли нам так сразу их дискредитировать? Или постепенно? Возможно, стоит возглавить толпу и взять ситуацию под контроль изнутри, а там посмотрим. Это было бы очень полезно в текущей ситуации. Народу все равно, что делать ради своей веры. Главное – действовать.

– Народу – да, – строго и зло заговорил священник, – церкви – нет.

Из угла, где все это время тихо сидел Борис Андреевич, послышался кашель. Все замолчали.

– Во-первых, спасибо всем, что нашли время и пришли, – как бы с чистого листа, начал Борис Андреевич. И все предыдущее теперь потеряло смысл.

В такие моменты я чувствовал, как многие завидуют его положению и боятся его. Как же он умел все обратить в свою пользу так, что никто даже не думал спорить! Все, что он говорил, всегда было истиной, не только потому, что это было гениально, но и потому, что давало всем облегчение. Становилось сразу понятно и ясно, в какую сторону надо двигаться и что предпринимать.

– Надеюсь, все вы согласитесь, что в такой ситуации нельзя действовать как-то стандартно. Скажем, дискредитировать. Или возглавить. Все это недостаточно, ибо мы, судя по всему, имеем дело не с фанатиками и вообще не с людьми, а с чудом. С настоящим чудом, – сказал он и испытывающе посмотрел на собравшихся, замечая тень сомнения на лицах некоторых. – Если вы, конечно, понимаете, что именно я имею в виду.

Послышались звуки одобрения.

– Как не понять! Зря мы, что ли, тут...

– Поэтому, именно поэтому нам следует действовать так, как будто чудо происходит на самом деле.

Послышались новые возгласы одобрения. Признаюсь, в тот момент я уже чувствовал всей душой, что нас всех ждет теперь что-то удивительное, что все карты уже на столе, но только один человек умеет сложить из них пасьянс. Это

одновременно и очень обидно, так как идея пришла в голову не тебе, и очень волнительно.

– А если чудо происходит на самом деле... – он сделал паузу, – то нам необходимо действовать не в отношении людей, а в отношении... – еще пауза, – а в отношении самого Бога. А что же это значит?

Глаза у всех присутствующих, не исключая святого отца, который, казалось бы, не должен ничему удивляться, округлились. Все смотрели на Бориса Андреевича, ожидая дальнейших разъяснений. Действительно, что это значит?

– Вот вы удивляетесь, думаете, Борис Андреевич сошел с ума. Как это, общаться с Богом! И впрямь, какая новинка! Тысячелетия человек учился этому и дошел почти до совершенства, приносил жертвы, молился и строил храмы. А мы уже разучились.

– Так что нам, молиться? Или строить храм? – поинтересовался социолог. – На храм бюджета не хватит.

– Или, может быть, принести жертву?! – возмутился святой отец. – Тогда это уже языческий Бог, и чудо уже получается языческое, поганое, – проговорил церковник, как по инерции, и неожиданно поменялся в лице и как-то очень радостно улыбнулся. Будто у него перестала сильно болеть голова.

После этих слов все некоторое время молчали, однако было видно, как собравшиеся думают, и слышно, как скрипят перья. Борис Андреевич продолжил:

– Мы должны одержать победу не на Земле, а на небе. Только так. Не правда ли? Мы с Клавдием отправляемся в зону Разлома. Просим вас оказывать нам всяческую поддержку. Мы очень рискуем, ведь нам предстоит лично столкнуться с последствиями Божественного промысла. Кто знает, что может случиться. И с нами поедет кто-то еще.

Все испуганно переглянулись.

– Кто? – спросил полицейский.

– Не вы, не волнуйтесь. Нам нужна чистая душа. Сакральная жертва, чтобы Бог ее принял, должна быть достойной во всех отношениях. Положение в обществе, заслуги, доверие людей, наконец, праведность. Есть у нас такие?

– Борис Андреевич, – взмолился священник, – я понимаю, что вы обо мне, но...

– Не льстите себе, батюшка. Какая же вы чистая душа? Вы недавно Христа во второй раз хотели распять.

– Да, действительно, – улыбнулся смущенно священник.

– Может быть, я? – спросил телеведущий бойко. – Это моя работа. Жертвовать собой каждый день. Я истинный слуга народа, вы знаете это. И если будет прямая трансляция, то лучше меня кандидата не найти. В момент сакральной жертвы картинка должна быть очень профессиональной.

– Борис Андреевич имеет в виду меня, – спокойно сказал писатель. – Вот зачем я здесь.

– Борис Андреевич имеет в виду вас, – сказал Борис Андреевич. – Вот зачем вы здесь. Только я одного не понял. Так вы верите в Бога или нет?

К разлому...

...Мы отправились на поезде. Дорога занимала около десяти часов. В народе уже пошла молва о чудесах у Разлома, и купить билеты оказалось совсем непросто. Пришлось задействовать связи заказчика. На вокзале было много людей, которые отправлялись вместе с нами. Некоторые еще не смогли достать билет, но все старались всячески продемонстрировать, куда и зачем они собираются ехать. Надо сказать, я такого никогда еще не видел. Группы паломников-самоучек с иконами и крестами, чемоданами и тюками, располагались где угодно – на земле и бетоне, стоя, сидя и лежа. Их лидеры, как правило, проводили разъяснения, направляли движение групп, занимались организацией каких-то хозяйственных вопросов или громко читали молитвы замороженным слушателям с рюкзаками. Во всем чувствовалась какая-то радость, дух коммуны,

который, казалось, уже очень давно не объединял людей на этой земле.

– Посмотри, Клавдий, – сказал Борис Андреевич. – Если бы это были просто люди, никто бы и глазом не моргнул. Но они, к сожалению, еще и электорат, и прихожане, законопослушные граждане и налогоплательщики. Они так много должны всем вокруг, что их совершенно невозможно отпустить на свободу.

– Разве они не свободны? – спросил я.

– Видишь эти одухотворенные лица? Я почти не сомневаюсь, что у половины присутствующих здесь имеется ипотека, множество долгов и обязанностей. И чем дальше они будут отъезжать от города, тем счастливее и одухотвореннее будут их лица, а вера крепче. Апокалипсис нужен им как воздух. Он оправдывает все их существование, и они будут умирать с такими же счастливыми лицами, вдыхая воздух равенства и свободы. Не правда ли, это странно?

– Что именно?

– Они думают, что несвободны, и именно поэтому они несвободны. Никто не мешает этим людям сбежать в любое другое место когда угодно. Но нет. Им нужно для этого веское оправдание. Лучше всего чудо. И тогда они говорят всем вокруг, и главное, себе самим, посмотрите на это чудо, оно все меняет, теперь все по-другому. А что по-другому? На самом деле ничего не изменилось, кроме их собственных мыслей.

– Борис Андреевич, но вы же сами сказали, что мы должны вести себя так, как если бы чудо было на самом деле. Или я неверно понял?

– Понимаешь, Клавдий, в любой стратегии должен быть план Б. Так как план А почти никогда не срабатывает. А в нашем случае он не сработает совершенно точно.

Мы подошли к своему вагону СВ. Здесь толпились такие же фанатики, но в дорогой одежде и с иконами побольше. Соседнее купе целиком занимал наш писатель. Так Борис Андреевич поощрял его согласие принести себя в жертву. Когда мы устроились в своем купе, я спросил:

– Мы ведь не будем приносить его в жертву... по-настоящему? Не правда ли? Это же просто такая понятная всем метафора?

– Не знаю, Клавдий, это пока не очевидно. Посмотрим.

– Вы хотите сказать, что может быть такое развитие событий, когда Писатель на самом деле должен будет погибнуть? Это как-то странно. Не находите?

– А разве не странно, что в наше время происходят настоящие чудеса?

– А они происходят?

– Зависит от того, веришь ли ты, Клавдий. В том-то и дело, если ты веришь, то и сомнения в необходимости жертвы у тебя отпадут.

– А какой у нас план Б?

– Не хочу тебя расстраивать раньше времени. Но он далеко не такой безобидный, как план А.

«Безобидный?» – удивился я, но переспрашивать не стал. Поезд шел с двумя остановками. Надо ли упоминать, что на каждой станции число безбилетных пассажиров в тамбуре и в проходах возрастало многократно? Достать билет с промежуточной станции в принципе не представлялось возможным. После второй остановки за окном потемнело, а внутри стало очень людно и шумно. Даже несмотря на закрытую дверь купе, мы чувствовали себя как в большой компании.

Борис Андреевич пребывал в задумчивости. Я вспоминал свой первый день в нашей фирме. Меня рекомендовали друзья Бориса Андреевича, но, несмотря на это, шеф долго продержал меня на гостевом диване, и в течение нескольких часов я мог слушать все, о чем говорят люди, проходящие мимо. Это было забавно. Особенно запомнилась фраза: «Смотрите, это же чудо. Картина – Дима, идущий домой». В этот момент мимо меня прошел человек с очень добрым лицом, смущенно улыбаясь под общие аплодисменты. Он шел к выходной двери, не глядя на окружающих. Вслед ему доносилось: «Дима, не оборачивайся. Дима, смелее. Дима, ты сегодня не ночуешь в офисе?» Наверное, в каждой

организации есть такой Дима. Впоследствии я смог оценить по достоинству качества этого поразительного человека, не раз приходившего на помощь. А шутки и общее ликование были тогда вызваны тем, что Диму насильно отправили домой отдыхать после бессонной ночи в офисе. Да и вообще, никто ни разу не видел, как Дима уходит домой. Все обычно расходились раньше.

Мое внимание привлекло какое-то необычное оживление снаружи. Кажется, наш вагон даже пошатнулся. Раздались звуки, похожие вначале на крики страха, а потом на возгласы удивления и восторга. Борис Андреевич очнулся от задумчивости и вопросительно посмотрел на меня, мол, что ж ты медлишь, надо выяснить, что там происходит. Я с усилием потянул за большую ручку и медленно впустил шум в купе, затем просочился наружу и закрыл капсулу за собой. Люди, стоявшие в коридоре, не обратили на меня внимания, их увлекало что-то далеко за окном, куда они указывали пальцами. Но ничего не было видно. Я вгляделся, но увидел только деревья и полоску черного неба над ними.

Неожиданно полоса леса, подходившего к железной дороге почти вплотную, оборвалась, от этого шум движения поезда стал тише, как бывает, когда выезжаешь из тоннеля на открытое пространство, и глазам открылась ширь поля, уходящая почти за горизонт. В вечернем сумраке можно было разглядеть только серо-бежевый цвет пшеницы и полосу черных, видимо деревянных, домов вдали. Небо было немного светлее домов. Кто-то в вагоне закричал: «Ушел! Явился и ушел!» Стоявший рядом со мной мужчина перекрестился и упал на колени. Его примеру последовали и другие.

- Что здесь происходит? - спросил я у проводника, который оказался рядом со мной.

- Говорят, знамение.

- Какое знамение?

- Говорят, огненный Христос вознесся. И это. Сиял в ночи.

- А вы сами видели?

- Нет, все быстро произошло. Я в этот момент в купе был. И это. Видел только вспышку под дверью. А когда выскочил, лес начался.

Я тогда посмотрел в черное небо и задумался, как именно мне рассказать о происшедшем Борису Андреевичу. Если я скажу, что сам не видел, он решит, что это все коллективное помешательство. А если скажу, что видел своими глазами, то он и меня причислит к сумасшедшим. Или нет? Или начнет сомневаться? Я всерьез задумался, что должно произойти, чтобы такой человек, как Борис Андреевич, в чем-то усомнился. Или чтобы он по-настоящему поверил, что чудо возможно. Ведь, что бы он ни говорил, я точно знал, что он воспринимает все вокруг примерно как даосский монах, то есть не всерьез. И чудо-Разлом, и потенциальная смерть Писателя, и разговор с президентом. Все это были декорации его внутреннего театра, где работало только одно правило. Все, что неинтересно – должно быть уничтожено. Как дети, лишённые игрушек, начинают фантазировать и играть с любым предметом или со своей рукой, делая их интересными для себя, так и Борис Андреевич делал мир вокруг себя интересным. Я это понимал. И понимал, что знамение только тогда окажется для него реальным и он в него поверит, когда оно станет ему интересно.

– Ну, рассказывай, Клавдий. Я уже прочитал в Твиттере, что тут знамение случилось, пока ты выходил за дверь. Жаль, фотографии нет. А ты сам видел что-то?

– Да, Борис Андреевич, видел. Преимущественно черное небо. Огненный Христос, к сожалению, ко мне не снизошел. Но многие в вагоне видели, и теперь, вон, молятся.

– Ты как-то скептически настроен. Завидуешь тем, кто увидел?

– Наверное, завидую, – сказал я.

Мне хотелось говорить, слова распирали меня изнутри, но я сдержался. Еще полчаса Борис Андреевич с удовольствием зачитывал мне выдержки сообщений из социальных сетей, потом новости на эту тему. Все это его почему-то крайне веселило. И я не мог понять, почему.

На станции нас ждал лагерь паломников и машина. До оцепления Разлома оставался еще час езды, но мы решили не торопиться и поехать туда утром, а пока перекусить. Писателя мы не стали спрашивать, но он, похоже, тоже был не против. Самый дорогой ресторан в городе находился на холме и назывался «Хвост Хиттина».

Еще в купе Борис Андреевич облачился в национальный костюм своих месопотамских предков. Среди паломников, странное дело, он не бросался в глаза, а в ресторане из-за восточного интерьера Бориса Андреевича вообще можно было принять за человека в костюме аниматора или менеджера заведения. Сам шеф, судя по всему, чувствовал себя в нем очень комфортно, важно улыбался, довольно щурился или недовольно хмурился и требовал к себе особого отношения.

Несмотря на поздний вечер, в ресторане почти не было свободных столов. Состоятельные горожане составляли, похоже, только половину клиентов. По виду остальных можно было определенно предположить гостей из столицы. Несколько лиц мне показалось знакомыми, а одного я знал заочно. Это был сотрудник протокола, по всей видимости, посетивший районный центр не с праздным любопытством. Знакомый аромат региональной конференции с участием первых лиц поселился в этом захолустье. Были тут и журналисты, и всякие разновидности политической синекуры.

Борис Андреевич, в отличие от меня, по сторонам не смотрел и, судя по всему, испытывал теперь только одно чувство. Точнее, предчувствие. Удобно расположившись за столом, он жадно потер ладони, мысленно говоря «ну-с». В меню он заглядывать даже не стал, а просто властным жестом подозвал официанта и заказал блюда на всех троих. Писатель попытался принять участие, но Борис Андреевич не дал ему такой возможности.

Довольно скоро на нашем столе появились все составляющие региональной гастрономической роскоши, и Борис Андреевич быстро захмелел и еще больше повеселел. Я пытался предостеречь его от необдуманного поведения, но мои предостережения мгновенно таяли в бурлящем котле его набирающего обороты пира духа. Наконец шеф впал в обычное для него состояние алкогольного экстаза и начал бросать косые воровские взгляды на окружающих. Он уже был готов встать и пойти к соседнему столу, но случилось неожиданное.

– Боря, я знаю, что люди твоей профессии не разговаривают с народом, – начал Писатель, – но представь, каким бы ты был чудесным проповедником.

– Хм, – издал неопределенного смысла звук Борис Андреевич.

– Только подумай, каким ты можешь быть чудесным оратором. Да что уж там, сам Гитлер бы позавидовал. Если бы, конечно, услышал твою речь.

– Да, пожалуй, – мурлыкнул шеф, – я, конечно...

– Ну, так почему бы тебе не попробовать? Ты посмотри, где мы. Тут на каждом углу сегодня проповедники и бродячие мессии. Тебя даже не примут за сумасшедшего.

– Попробовать? – удивился шеф. – Прямо сейчас? – Он еще раз, но как-то по-новому осмотрелся. – Да, надо попробовать, конечно, – добавил он нерешительно.

– Давай, Боря. Не дрейфь! Ты ж Цицерон во плоти.

– Ну, я не знаю.

– Посмотри, все располагает к проповеди. Эти жаждущие глаза, пустые и лишённые идеи, глаза людей, прозябающих в неведении, униженных своей ограниченностью. Им нужно твоё слово, они должны прозреть и увидеть мир по-новому.

– Борис Андреевич, – попытался я слегка его урезонить, – возможно, это не лучшая идея. Здесь могут быть люди из столицы. Вообще, без подготовки и в таком... – Я осекся.

Мои слова, к несчастью, возымели прямо противоположное действие. Я почти физически почувствовал, как внутри шефа поднялось желание бичевать иллюзии.

В центре заведения было место для тамады. Там по пятницам, как нам объяснили, исполняли танец живота. Борис Андреевич сначала направился туда, но потом заметил винтовую лестницу, предпочёл расположиться на ней и уселся там, будто пастырь на большом камне в окружении агнцев. Он не снизошёл до объяснений, что к чему, не подготовил собравшихся и сразу начал с главного.

– Короли древности, – выдал он с претензией на внимание и особым упором на свое превосходство в голосе.

Я решил, что это конец. Мне стало как-то совсем неуютно.

– Короли древности ходят среди нас в телах обычных людей. Кровь императоров, своими руками создавших этот мир, бурлит в потомках. Сегодня, – сказал он и важно поднял палец, – все мы как бы равны друг другу, но так ли это на самом деле? Ответьте! Так ли это? Равны ли мы?! Титаны и рабы, боги и твари?

Никто не решался ответить, но по рядам прошел шепот.

– Нет. Мы не равны, – развенчал шеф. – Истинный император, генетический наследник великого прошлого, выглядит, как все, ходит, как все, ест, как все, но он не такой, как все. Он таит в себе потенциал и силу предвечного младенца. Стоит только разбудить его, и он придет и поднимет меч! Или крест! Но это одно и то же!

Речь Бориса Андреевича, судя по всему, производила эффект. Хотя больший эффект, конечно, производил он сам. Он говорил так уверенно и безапелляционно, что я невольно ловил себя на мысли, что соглашаюсь с ним, хотя совсем не понимаю, ни о чем он на самом деле говорит, ни к чему клонит. Еще я пытался понять, говорит ли он серьезно или играет, но игру внутри игры очень сложно отличить от бреда пьяного интеллектуала или от истинных мыслей глубокого человека. Люди часто выдают одно за другое, на всякий случай.

– Тысячи лет! Тысячи лет короли и императоры направляли энергию народов на что?

Снова никто не решился дать ответ.

– На войну. На благородное убийство. Тысячи лет они переносили границы мира, как хотели. Границы этих империй были границами могущества этих самых сверхлюдей? Физические границы их власти.

Он помолчал, переводя дух, и потом почти закричал:

– А мы? Мы?! Что мы делаем? К чему мы идем? Как не стыдно быть теми, кто мы есть?! Уже сотню лет границы неподвижны. Они стоят, как вкопанные. Но это ведь не так. Они давно изменились! Но как? По-тен-ци-аль-но! Потенциально границы сейчас совсем в другом месте, а силы, которые должны были их перенести, ушли на дру-го-е. Воля была потрачена на то, чтобы изменить нас самих. И эта воля, именно она... создала чудо.

Кто-то, кажется, начал кивать. Машинально, неосознанно или впрямь соглашаясь. Сложно было не согласиться с тем, что так преподнесено, тем более Борис Андреевич обладал способностью соглашаться сам с собой. И другим этого уже не требовалось делать. Весь фокус был не в словах, а в интонациях, я бы даже сказал, порывах речи и движениях тела. Его вдохновение заражало, и люди, внешне расслабленные, застигнутые в момент праздности, сопереживали с ним как бы тайно, пряча это друг от друга, на каком-то глубоком подсознательном уровне, где его образ соединялся с архетипом жреца, кудесника, юродивого...

– Поэтому, именно поэтому, а не почему-то еще все вы собрались здесь. Вы почувствовали эту волю, которая вырвалась наружу и готова поглотить или одарить каждого. Всех, кто слаб. Всех нищих духом. Что? Что это, я спрашиваю, за сила раздвинула землю? Что за сила привлекла всех сюда? Христос? Магомед? Авраам? Будда? Ануннаки? Что за коварное божество поселилось тут? Не знаете? А я знаю! Я лишу вас иллюзий! Нет божества, нет сатиров и демонов, все и всегда есть промысел Его! Человека, цена которому – тысячи, миллионы, сонмы жизней!

Официанты давно перестали обслуживать посетителей и стояли в проходе. Мне пришлось подойти сначала к менеджеру ресторана, который собрался куда-то звонить, а затем попросить нескольких людей в зале перестать снимать происходящее, но не успел я подойти к последнему, как произошло следующее. Один из людей за столом внезапно подавился и начал задыхаться, а шеф, недолго думая, молниеносно оказался рядом и ловким движением обнял его сзади, приподнял и несколько раз мощно сдавил его грудь, держа покорное тело на весу. Удивительно, но никто не пытался его остановить. Еще больше меня удивило, что манипуляции шефа над несчастным возымели действие и попавший под его горячую руку пациент перестал задыхаться. Тогда шеф посадил его на место, положил ему руки на плечи и по-отечески заметил:

– Мой месопотамский предок учил вас «глаз за глаз и зуб за зуб»! Помните это, когда тьма поглотит Землю. Ничего не меняется, и все по-новому. Нам нужны новые заповеди. Грядет новая эпоха, и вы должны следовать только одному правилу. – Он вознес руки к люстре. – Шер нунус нантар. Нангин урубад.

Я оглядел зал и с ужасом понял, что изъять все видеозаписи уже просто не получится. Возможно, часть из них уже попала в социальные сети и стремительно собирает просмотры, перепосты и прочие знаки общественного внимания.

– Теперь вы все слышали. Имеющий уши...

С этими словами он как-то отстраненно погладил спасенного по голове, затем нежно улыбнулся, всех перекрестил и торжественно, заставляя официантов расступиться, удалился. За стол он, конечно, не вернулся. Писатель довольно улыбнулся и начал аплодировать, еще несколько человек последовали его примеру. Я последовал за шефом. Было ли это выступление продумано? Оценивал ли он последствия? Являлось ли это частью стратегии и плана Б, выбросом гения или минутной слабостью, а быть может, ахиллесовой пятой старого тщеславного алкоголика – я не знал. Но я точно знал одно. Что бы это ни было сегодня, завтра оно станет частью плана. Так было всегда, и каждый новый день приносил что-то свое, что-то новое, что уже было частью его стратегии и уже учитывалось в его изощренной предиктивной картине мира, которую видел только он сам, так ярко и так отчетливо.

Дом, где мы поселились, находился в поселке, совсем недалеко от Разлома. Чудесное весеннее утро на этот раз началось у нас как-то очень рано. Писатель проснулся с петухами и вызвался приготовить всем яичницу на костре. Идея была неплоха, так как других идей просто не было. Я сидел на веранде и наблюдал, как мастер пера бодро орудует посудой, выдыхая пар в холодный воздух. Это выглядело обнадеживающе.

Борис Андреевич вышел к завтраку последним. Яичница и кофе уже были на столе. Солнце было еще совсем низко, но небо просветлело, и запели птицы. Никто не хотел говорить. Мы сидели и впитывали силу нового дня. Писатель закурил.

– Клавдий, мне показалось, что вчера в ресторане был Васильев. Ты его не заметил? – спросил шеф.

– Да, точно.

– Причем трезвый. Я его таким первый раз видел, мне кажется.

С этими словами шеф вынул свой телефон и положил перед собой.

– Рыба вчера была невкусная, – сказал Писатель, – сухая. А что еще ждать от глубинки?

Борис Андреевич посмотрел на Писателя с неодобрением. Я, чтобы что-то сказать, сообщил шефу, что рано утром приходил водитель Витя и передал записку. В записке говорилось, что следует ждать звонка в полдень по местному времени. Кто будет звонить, не говорилось.

– Началось, – сказал шеф, – без контроля нас не оставят, – и перевернул телефон экраном вниз.

Я думал, смотрел ли он сегодня новостную ленту или нет. Судя по всему, еще нет. И, видимо, боялся не только посмотреть, но и спросить у меня. Я тоже боялся и тоже еще не видел. Писатель вообще выглядел так, как будто мы приехали к нему на дачу и он нас угощает. Время шло.

До полудня мы решили еще раз поспать и снова собрались в доме уже после сна. Наконец, Борису Андреевичу позвонили с неизвестного номера. Он попросил нас записывать важные детали и включил громкую связь.

– Здравствуйте, Борис Андреевич, – сказал хриплый женский голос. – У вас красивый халатик.

Писатель в углу тихо прыснул, едва сдерживая смех. Борис Андреевич строго погрозил ему пальцем.

– Это не халатик, впрочем, неважно. Доброго дня, с кем имею...

- Борис Андреевич, меня зовут Елена Романовна. Думаю, мое имя вам известно.

Зам главы администрации, подумал я. Вот кого они выбрали курировать процесс. Не знал, что у нее такой хриплый голос.

- Да, конечно. Рад знакомству.

- А я пока не знаю, рада ли. Это еще предстоит понять. Но вы уже нас очень порадовали. - В голосе была ирония.

- Правда? И чем же? - Шеф не уступал в игре интонаций голоса.

- Не скромничайте. Так мастерски забили интернет этой апокалиптической чушью. Все только и говорят про чудесное исцеление, новые заповеди. Только не подумайте, что я на это куплюсь. Это фокусы, а не настоящая работа. Вы, похоже, совсем не понимаете масштабов проблемы, Борис Андреевич.

- Отчего же...

- Я знаю таких, как вы. Если в ближайшее время мы не увидим реальный результат, то, несмотря на все ваши регалии и рекомендации...

Она замолчала. Но ее голос продолжал резать мой слух. Признаюсь, я бы не нашелся, что ответить на такое. Но шеф не зря был шефом, он всегда знал, что сказать.

- Елена Романовна, боюсь, это вы недооцениваете ситуацию. Все гораздо хуже, чем думают в столице. Речь идет не о каком-то локальном явлении. Это уже национальный вопрос. Поэтому я вынужден...

Он сделал небольшую паузу. Пока он молчал, мое сердце не билось. А Писатель даже закрыл глаза.

- ...поднять свой гонорар. И расходы еще возрастут.

- Что?

– Да, вы не ослышались. И если Президент не готов к самому страшному, то лучше согласиться. В противном случае, я сегодня же возвращаюсь назад. Приезжайте сюда сами.

– Я уже была у Разлома.

– Тем более.

– Хорошо, – сказал хриплый голос, помедлив. – В случае успеха, вы все получите. А пока возвращайтесь к работе. Это все.

– Спасибо, Елена Романовна, – сказал он сладко.

Она повесила трубку. Шеф схватил телефон и начал что-то искать. Я, конечно, знал что. Мы с Писателем сделали то же самое. «Шер нунус нантар. Нангин урубад», – заговорил зловеще экран. Комнату заполнил самый веселый и беззаботный смех, который я когда-либо слышал. Хотя это был последний раз, когда мы смеялись в этот день.

Я очень хорошо помню этот день, потому что именно после него все и изменилось. Бывает так, что какое-то событие делит жизнь человека на до и после. И в моей жизни были такие моменты, но то, что случилось в тот день, это не просто до и после, а что-то гораздо большее. Оглядываясь назад в прошлое, я понимаю, что один день смог изменить меня сильнее, чем все, что когда-либо со мной случилось.

После обеда шеф попросил меня назначить встречи с разными людьми в военной части, контролирующей Разлом. Для начала он хотел видеть командира, роль которого выполнял полковник Кузнецов. Затем двух дезертиров, покинувших пост. Они были под стражей. И напоследок шеф попросил оставить батюшку, командированного в часть для поддержания духа военнослужащих.

Перед встречами Бориса Андреевича я всегда готовил справки на его будущих собеседников. Надо сказать, что ничего любопытного узнать не удалось. Люди, с которыми шеф общался в обычной жизни, часто имели в открытых источниках роскошные биографии с профессиональными фото и отшлифованными текстами. Чтобы составить справку, я брал самое ценное из официального текста и добавлял пару пикантных деталей из источников неофициальных, которые

получал от коллег, из нашей базы или с сайтов, содержащих компромат. И все было готово. Орденоседец такой-то всегда оказывался по совместительству или рогоносцем, делящим имущество, или имел сомнительных родственников, проходивших по делу, или, например, любил что-то запрещенное. А с этими военными было совсем скучно.

Личное дело полковника еще представляло собой потенциальный интерес для будущих антропологов, так как Кузнецов в молодости был первоклассным стрелком, а с бойцами было совсем плохо. Судя по записям, они пока еще, по большому счету, только родились там-то и тогда-то, а все остальные записи совпадали с тысячами таких же и ничего не говорили о личностных качествах. Что касается батюшки, то этот персонаж, вероятно, имел очень мало общего с религией, так как официальная церковь имела на его счет только одну пометку о присвоении сана. Следовательно, наш отец не столько поддерживал боевой дух военнослужащих, сколько докладывал о нем куда надо.

Прежде чем поведать о дальнейших событиях этого дня, я должен рассказать одну небольшую деталь из своего прошлого. Это важно, чтобы понять чувства, охватившие меня в этот день. Со слов опекуна, родители крестили меня в возрасте десяти лет, и я на собственном опыте познакомился с религиозной традицией уже в сознательные годы. Эта традиция подразумевала довольно много, но поскольку я не верил в Бога, то ограничился только ношением креста. Это, как помню, был чудесный золотой крестик, который мне нравился просто потому, что был хорошо изготовлен, имел приятные скругления и неплохо выполненную фигуру идеализированного Христа. Проще говоря, он мне нравился.

Когда мне было около восемнадцати, и это я уже хорошо помню сам, меня ограбили в переулке. Неизвестные забрали все, что имело хоть какую-то ценность. Часы, карманные деньги и, как ни странно, золотой крестик. Почему странно? Есть суеверие, что, снимая чужой крест, берешь на себя грехи его владельца. Но они были, похоже, не суеверны. С тех пор я еще больше уверовал в то, что религия – не мое. Однако, странное дело, один крест покинул меня, но его место занял другой, и это не фигура речи. Серебряный, большего размера, прямолинейный, с острыми краями. Крест моего деда, который, как говорят, вскоре умер.

Как же он попал ко мне? Обычно людей хоронят с их крестом, но дед был убежденным атеистом. Более того, относился к религии враждебно. Он родился

во времена, когда крестили всех, и носил свой крест машинально, не думая об этом. До одного случая, когда он нырнул в реку и веревка, на которой был символ его веры, зацепилась за корягу. Рассказывают, что он мысленно уже похоронил себя под водой, и только когда воздуха совсем не оставалось, последний рывок стал счастливым, и он чудом спасся. Однако после этого крест не носил, а положил на полку. Когда через много лет он умер, крест с другими вещами, которые оказались никому не нужны, поступил в мое распоряжение. Я не носил этот крест, но, когда перевалило за третий десяток, я почему-то начал брать его с собой в дорогу. И сегодня он был со мной, лежал в кармане брюк вместе с купленной мной серебряной цепью. Вот и вся история, а точнее, предыстория.

Дорога к части занимала около получаса, и после обеда мы, недолго собираясь, решили ехать. Я закопался со справками для шефа и выбежал к машине последним. Борис Андреевич стоял за калиткой и смотрел куда-то.

– Борис Андреевич, вот ваши справки о Кузнецове, Казимире и других. К сожалению, ничего интересного в этот раз, – сказал я, запыхавшись, и посмотрел туда, куда был направлен взгляд шефа.

Он смотрел на стаю птиц, вытворявших в воздухе над соседним полем что-то не вполне понятное. То ли стая разворачивалась в пути, то ли кружилась над чем-то. Я сначала не понял, но, держа в руке протянутые документы, никак не мог оторваться от зрелища. Птицы еще несколько раз быстро поменяли направление, а потом словно начали выписывать какие-то диковинные воздушные фигуры. В какой-то момент мне даже показалось, что они замерли в форме креста. Что только не привидится!

– Что за чертовщина! – вырвалось у меня.

– Что конкретно мы здесь делаем, Клавдий? – сказал сухо шеф и пошел в машину.

Я не понял сути вопроса, но и ответа от меня, похоже, никто не ждал. От всего этого стало не по себе. Я поторопился за шефом. Когда мы тронулись, Писатель сидел на переднем сиденье и оживленно разговаривал с водителем. Я еще раз посмотрел на стаю через окно, и моя рука машинально полезла в карман, где лежал дедов крестик.

– Люблю деревенскую кухню, – сказал Писатель. – Когда под рукой все нужное. И травка, и чеснок. И ничего лишнего. Не выношу набирать огромные пакеты еды в городском магазине, потом все равно половину выбрасываешь. И чувства такие тяжелые. А тут, на природе, взял луковицу и порезал. Отлично. Хорошо, когда все к месту. Вот тебе надо чего-то чуть-чуть, и вот оно есть.

– Да, – отозвался водитель. – Согласимся.

Дорога пошла вдоль леса, деревья монотонно сменяли друг друга, и мне вдруг начало казаться, что сейчас что-то произойдет. Какое-то пугающее предчувствие, как в фильмах, когда начинает играть соответствующая музыка. Я ясно увидел, что мы все вместе – я, шеф и разговорчивые собеседники в первом ряду, – несемся навстречу чему-то ужасному.

– И что может быть лучше супа, сваренного на костре, – продолжил Писатель. – Доводишь воду до кипения и постепенно кладешь в булькающий котел все, что надо. Но тут надо не перемудрить. Главное, чтобы все было простое и только самое необходимое.

– Зелень обязательно в конце бросить, – прибавил водитель.

Я нащупал в кармане крестик и цепочку, вынул их. Первая мысль – надеть, но я обернулся на Бориса Андреевича и передумал. Тот сделал вид, что не замечает, или правда не заметил. А вдруг все же заметил и решил, что мне страшно? Я убрал крестик в нагрудный карман.

– Да, кстати, – сказал Писатель, оборачиваясь к нам, – простите меня.

– Что? – буркнул шеф. – Что ты сделал? Я не помню.

– Ничего. Просто простите. Сегодня Прощеное воскресенье. Так положено.

При этом у Писателя лицо стало каким-то особенно добрым и серьезным, одновременно очень простым и светлым. И это выражение лица я никогда не забуду, оно навек запечатлелось в моей памяти. Потому что на фоне этого лица я увидел, как в замедленной съемке, что к Писателю поворачивается улыбающийся водитель, как его губы начинают произносить: «И вы меня...», и

как он не замечает, что на дороге из ниоткуда появляется олень с великолепными пышными рогами.

– Осторожно! – кричу я не своим голосом.

Водитель успеваает перевести взгляд и резко сворачивает с дороги в сторону леса, где машина оказывается на небольшом склоне и перестает быть управляемой, мы падаем в небольшой овраг на краю леса. Еще мгновение, и я ощущаю оглушительный удар по голове и груди. Точнее, я всем телом обрушиваюсь на сиденье спереди и бьюсь об него головой и грудью. Начинаю терять сознание, но не теряю и через несколько минут прихожу в себя, ощущая ужасную боль в голове.

Первая сознательная мысль: как Борис Андреевич, как остальные? А потом – почему машина гудит? С трудом оглядываясь, я вижу, что лобовое стекло пробито деревом, и замечаю, что там, где должна быть голова Писателя, торчит кусок коряги. В оцепенении поворачиваю взгляд на шефа, только сейчас замечаю, что он, в отличие от меня, пристегнут. Тем не менее он лежит на ремнях без сознания, уронив вперед голову. «Борис Андреевич! Борис Андреевич!» – Мне кажется, что я кричу, но на фоне гудка машины сам не слышу своего голоса. Трясущейся рукой я дергаю шефа за плечо, но глаза его не открываются. Я делаю то, чего никогда раньше не делал, – проверяю пульс у него на шее. Как она называется? Сонная артерия. Безрезультатно! Я просто не понимаю, что я чувствую! Господи! Нам нужна помощь!

Водителя мне не видно, но, судя по тому, что машина гудит, он или мертв, или без сознания. Я не знаю, почему мои ладони в крови, кажется, они не сломаны или повреждены. Я пробую достать из нагрудного кармана мобильный телефон. Надо выйти из машины. Все происходит очень медленно, как в том сне из детства.

Через несколько минут я сидел рядом с машиной в небольшом овраге и тщетно пытался разглядеть изображение на своем мобильнике. Из-за удара я все еще плохо видел детали вблизи. Хорошо помню, как пришел в отчаяние, наконец разглядев, что телефон безнадежно продавлен моим же крестом и цепочкой и, конечно, не работает. Тут я подумал, что позвонить с чужого телефона я не смогу, не зная пароля.

Сейчас я понимаю, что из-за травматического шока я тогда ошибся и принял неверный план спасения шефа как единственно возможный – взять себя в руки и любой ценой добираться до части пешком. Но сейчас это уже неважно, в конечном итоге случилось так, как и должно было быть.

Когда я вышел на дорогу, оленя с пышными рогами нигде не было видно. Вероятно, он вернулся в лес. Если это видение вообще не было коллективной галлюцинацией. Дорогу к части без навигатора я не знал, но пошел по направлению нашего движения, надеясь, что развилок будет не много и что идти осталось недалеко.

Сейчас я знаю, что дорога, по которой я шел, была с восточной стороны от части. Мы сняли дом в почти заброшенном поселке, где на несколько километров вокруг не было ни военных, ни паломников. В этой стороне воинская часть и Разлом были отделены от мира полигоном для военных учений, и мы решили, что из-за шума танковой канонады отсюда съехали даже те, кто раньше здесь жил.

Я шел и очень надеялся, что не окажусь в зоне танковой мишени. Хотя, если мыслить логически, дорогу они обстреливать не стали бы. И потом, должна же быть какая-то колючая проволока, забор, в конце концов, предупреждение. Вместе с этими мыслями приходили и другие. Например, я вспоминал аэрофотосъемку части и Разлома. И справку о местности. Сверху это было не видно, но часть, судя по справке, располагалась на холме. Я оглянулся, холма не видно. Слева был лес, а справа поле и вдалеке поселки и другой лес. Возможно, холм был где-то дальше, так как дорога впереди уходила влево и немного вверх.

У меня сильно закружилась голова, начало подташнивать. Пришлось остановиться и расстаться с обедом. Сил от этого, к сожалению, не прибавилось. Но временно стало легче, и я пошел дальше. Из аэрофотосъемок было известно, что Разлом образовался прямо у подножья холма, на котором стояла часть, и по размеру достигал пяти с лишним километров. Больше всего паломников ждало встречи с чудом с дальней от части стороны Разлома, которая была недалеко от трассы. Я же в это время был дальше всего от этого места. Наверное, поэтому никого вокруг вообще не было. Возможно, мне бы повезло, встретиться я с патрулем, но и патруля почему-то не наблюдалось.

Пройдя еще около двух километров, как мне показалось, я свернул вместе с дорогой влево за лес и огорчился, потому что возвышение дороги было иллюзией. Теперь взору открывалась, кажется, бесконечная объездная дорога,

уходящая вверх за горизонт. Надо было решать, что делать. Пойти к домам за полем, но я знал, что там, скорее всего, никого нет. Продолжать идти вперед или вернуться назад к нашему дому. Идти вперед было правильно, но казалось, что дорога бесконечна. Идти назад? Зачем? Там никого нет, и нет телефона. Может быть, я смогу завести машину, мелькнула светлая мысль, но она же в овраге, мне одному без чьей-либо помощи ее не вытащить. А от одной мысли, что нужно касаться тела водителя и опять увидеть Писателя без головы, мне снова сделалось дурно.

Был еще вариант – никуда не идти, вернуться и ждать. Нас бы хватились и начали искать, но я отбросил эту мысль, так как, возможно, счет жизни Бориса Андреевича идет на часы. Я повернул взгляд налево, в сторону леса, и еще раз попробовал оценить подъем. Не холм ли это? Видимо, это был холм, но идти в самую гущу леса было глупо. И я решил поискать дальше по пути тропинку через лес и пойти по ней.

По дороге я старался сохранять бодрость, но это было совсем непросто. Я почему-то все время вспоминал вопрос Бориса Андреевича – «Что конкретно мы здесь делаем?». Теперь у этого вопроса появился новый и неожиданный ответ. Пытаемся выжить. Но ведь мы приехали сюда вовсе не за этим. Мы приехали спасти профессию. А в чем на самом деле заключается наша профессия? Создавать такое впечатление, что проблемы нет? Строить потемкинские деревни? Дурачить всех, отвлекая за деньги богатых внимание бедных от их реальных проблем? Скрывать от людей, почему они в той клоаке? Да еще так, чтобы они были рады обманываться. В этом наша профессия? Или, быть может, я еще очень молод и не понимаю того, что понимает Борис Андреевич. Может быть, реальность и правда не существуют. А есть только мир его воображения, где что-то привлекает внимание, а что-то нет.

Меня вырвало еще дважды, пока я шел. Пиджак был безнадежно испорчен и издавал такой запах, что я бросил его на землю и остался в одной белой рубашке. Дорога так и продолжала скрываться в бесконечности. Никакой, даже отдаленной, видимости военной части не было. Солнце склонилось низко, наверное, было уже около шести вечера. Возможно, мое сознание все же ненадолго отключалось. К счастью, я заметил впереди прогалину и постарался прибавить шаг.

Надо сказать, раньше у меня никогда не было галлюцинаций. И поэтому я решил, что олень действительно был. Но тут я увидел то, что не может быть

реальностью. Это было видение, хотя постоянная рвота и головокружение могли вызвать любые зрительные аберрации. Лучи солнца как бы объединились вместе у самой прогалины леса, и из них образовалась яркая человеческая фигура. Хотя почему я говорю «человеческая»? Это был не человек, а яркий силуэт, наполненный светом. Он словно парил над землей. Расправив руки, он влетел в лес и исчез за деревьями.

В фильмах о привидениях я видел сцену, когда живой человек в доме с привидениями наблюдал людей, живших здесь раньше. Точно так же, как этот световой силуэт привидения на что-то указывали живым. В фильмах они обычно рассказывали о прошлом дома, повествовали о минувших делах. Возможно, мне померещилось, но мое видение выглядело совсем как живая фигура. Собрав последние силы, я поспешил к опушке.

Зайдя в лес и пройдя около ста шагов, я понял, что световой силуэт меня не обманул. Тут были люди! То есть спасение для меня и Бориса Андреевича. Я хотел показать, что без оружия, и развел руки. От счастья и облегчения ноги подкосились, свет погас, и я провалился в обморок. Словно издалека, я слышал голоса, но затем и они пропали.

Святой Августин...

– ...Был манихейцем, – сказал высокий человек у костра.

– А мать пророка Мани была армянкой, – заметил подходящий к костру крепкий мужчина.

– Ты это к чему, Армен?

– Ну, я же армянин, – сказал Армен. – Поэтому я стал манихейцем.

– Вообще-то в Армении христианство, и не простое, а относящееся к древнейшим восточным христианским религиям, – ответил высокий.

– Манихейство более правильная религия, – сказал Армен. – Потому что она всеобщая и включает в себя и христианство, и зороастризм... – Он задумался. – Тем более, послушай, если произносить Ара Мани, то получается почти Армения.

– А вы кто? – спросил высокий у тихой пары, сидящей рядом.

– Важно ли это? – отозвалась женщина.

– Здесь всем положено о себе рассказывать. Искренне и без утайки.

Мужчина и женщина переглянулись, и она сказала:

– Мы гностики.

– Гностики? – удивился высокий. – И что это значит?

– Для нас это значит, что познание обладает ценностью. Мы как ученые...

– Разве ученый может верить в Бога? – перебил Армен. – Вот мой дедушка Гурген был химиком, так он не верил. И всем говорил...

– Подожди, Армен, – сказал высокий. – Дай сказать. Тем более что твоя вера против пустых разговоров. Надо говорить только что-то важное.

– Простите, – сконфузился последователь манихейства и посмотрел на пару.

– Гностицизм – это истинное христианство, – излишне твердо сказала женщина. – Но это христианство, которое приветствует поиск истины. В отличие от... – Она не продолжила.

В костре потрескивали дрова. Люди приходили и уходили.

– А митраистов здесь нет, случайно? Или стоиков? – поинтересовалась молодая девушка.

– Это еще что такое? – удивился высокий. – Тут есть и дзен-буддисты, и конфуцианцы, и индуисты, но вот про этих я не слышал.

– Мы в институте проходили, что канонический образ Христа – это заимствование. А на самом деле это изображение бога добра Митры. А христианская философия почти полностью взята из древнегреческого стоицизма.

Все, кто следил за разговором, задумались. Молчание прервал Армен:

– Я слышал, что христианство произошло из иудейской религии. А ислам также произошел от христианства, как одно из направлений. У них и пророки все общие. Авраам, например. А Иисус у них Иса.

– Ислам – очень сильная религия, – сказала женщина. – Потому что признает науку. Я думала стать мусульманкой, но муж не согласился.

– Я знаю почему, – ехидно вставил манихеец.

До сих пор молчавший крупный мужчина с русыми волосами посмотрел на всех и серьезно сказал:

– Мы все здесь не для того, чтобы спорить. У нас другая цель.

– Да мы не спорим, мы ищем, – сказал высокий.

– Я христианин, – не обращая внимания, продолжил блондин. – Но в детстве мне рассказывали про Тора и Одина.

– Дуализм, – радостно вставил Армен, – злой Демиург и истинный Бог.

– И про Рагнарок мне тоже рассказывали. И говорили, что это то же самое, что и Второе пришествие Христа. Судный день. Когда спустятся ангелы и Бог будет судить каждого. И я понимаю, это время близко, и мы здесь ради этого.

– Да, брат, – слышалось с разных сторон. – Мы ради этого.

- Много чудес уже случилось, - продолжил он, - но еще больше должно случиться. И главное чудо вы знаете.

- Второе пришествие? - подхватила студентка.

- Второе пришествие, - повторил высокий.

- Вон смотрите, на опушке заходит солнце, - сказал Армен. - Как это красиво!

Все обернулись на лучи солнца, пробивающиеся сквозь редкие ветви молодых осин на краю леса. Это была минута общего единения и взаимопонимания. И в эту минуту в лучах солнца появилась фигура человека. Против света лицо было сложно разглядеть из-за солнечного нимба. Человек развел руки в стороны навстречу людям.

- Смотрите, - закричала девушка, - у него руки в крови. Это же стигматы! Это он! Это он!

- Это он! - закричали еще голоса.

- Христос!

- Иса!

- Пророк!

Проснуться богом...

...Для меня обычное дело. Я открыл глаза и провел стандартный тест самоидентификации, который практикую уже лет двадцать.

- Ты хочешь проснуться?

- Да.

- Ты знаешь, что должен сделать сегодня?

- Да.

- Ты сделаешь это?

- Да.

Тест был пройден, как всегда. Это все еще я. Однажды я решил проверить теорию доктора Волкова о самоидентификации. Он разработал концепцию о том, что каждый день человек становится другим. Соответственно, просыпается он уже не таким, каким засыпает. Доктор Волков предложил придумать для себя три любых вопроса и задавать себе каждое утро. И однажды, по его словам, какой-то из ответов изменится. Даже если спрашивать свое имя. Это покажет, что личность изменилась настолько, что теперь это заметно даже окружающим.

Вот уже двадцать лет я опровергаю его теорию самоидентификации. Но это было не напрасно. Благодаря этому я разработал свою. По-моему, чтобы быть собой, человек должен быть тем, кем должен. Вот, скажем, ты дочь швеи, но при этом чудесно поешь. Как тебе стать собой? С одной стороны, если ты станешь швеей, ты вроде как не самостоятельно сделала выбор. Но с другой, если ты шьешь лучше, чем поешь, это и есть то, что ты должна делать, чтобы быть собой.

Я знал одного паренька, который сходил с ума от желания спеть для всех. При этом петь он, как часто бывает, не умел. Настолько плохо это у него получалось, что слушать его было почти невозможно. Все диву давались, ну как у него могут сочетаться эти два качества. Такое сильное желание при полном неумении. Был ли он собой? Нет, конечно. Он все время пытался стать кем-то еще.

Помню, в моем классе был мальчик, который страшно боялся отвечать у доски. Он краснел, мычал и почти терял сознание, но не мог толком ничего сказать. А если говорил, это звучало так жалко, что хотелось провалиться под землю. Он рассказывал урок так, как будто признавался в каком-то постыдном поступке. И голос его расщеплялся и дрожал. Тогда, будучи ребенком, я наивно думал, что передо мной хрупкая индивидуальность, что хоть он мне и неприятен, но его напрасно обижают, и следует к нему относиться как-то по-особенному. Как глуп

я был. Сейчас я знаю, что весь его страх был от высокомерия, от гордыни, за которой скрывалась пустота. От чувства собственной обособленности. Но как раз это чувство делает человека рядовым, ничтожным и скучным. Тогда как причастность к общему возвышает.

Когда вывел эту теорию, я понял, что всегда искал свою причастность к общему и как высший идеал ставил соответствие высшему замыслу. Природы или Бога – неважно. Главное, что это был не мой замысел, а проявление Судьбы. И для себя я отвел роль – быть рукой Судьбы. Вы даже не представляете, как это примиряет с тем безобразным в жизни, что обычно вызывает приступ тошноты, отвращения, пробуждает желание поскорее покончить со всем этим. Когда ты становишься частью общего, ты как будто вступаешь в секту самого Бога, в тайное общество матушки-Природы, в орден Судьбы. Везде начинаешь видеть своих братьев по ордену и радуешься встрече. В каждом нелепом событии начинаешь видеть сопричастность к большому делу.

Что происходит дальше? Это очень интересно. Мне не стоило бы делиться этим знанием, до которого каждый должен прийти сам. Но извольте. Дальше ты начинаешь предчувствовать замысел Судьбы, правда, окружающие по ошибке принимают это за провидение. Но я не провидец, я такое же дитя Божье, как и все. Просто я чуть-чуть внимательнее. Это как слепое зрение. Ты не видишь, но чувствуешь изображение как-то иначе, совсем по-другому. И в нужный момент на краю пропасти, которую почти никто не замечает, ты вдруг останавливаешься. Многие падают, но есть и те, кто остановился рядом. Ты на них смотришь и улыбаешься, ибо это твои братья по оружию.

Вот такая нехитрая у меня мораль. Мне, конечно, по-человечески очень жаль Писателя. Хороший был человек, хоть и глуповат. Но не без просветлений. Однажды он меня даже удивил. Помню, он написал детский рассказ про то, как страшно умирать. Ну, думаю, старик наконец-то делом занялся, потому что раньше он писал про каких-то розовых свиней, про приключения совка, про страну зефирного варения. А тут сразу такой прорыв. Я бы эту книгу назвал «Детям о главном», но он же Писатель. И в его версии это звучало так: «Последний вздох Дурашки». От этой Дурашки просто мурашки.

Но это было лишь однажды. В последнее время из-под его пера перестали выходить даже примитивные Зефирные страны, ибо старик исписался. Лучше всего ему начали удаваться жалобы на жизнь, правдоискательство и, конечно, традиционные творческие страдания, самокопание и все такое. Его мучила

совесть за весь тот разврат, в который он пустился в своей жизни, и внутренний голос подбивал его совершить самоубийство. Но на это он вряд ли бы отважился.

Недавно, кстати, я с удивлением узнал, что у всех людей есть внутренний голос. Это странно, у меня его нет. И поэтому мне так трудно что-то написать. Приходится самому себе почти вслух диктовать слова. А у Писателя был внутренний голос, да еще какой. Заноза в одном месте. Я буду помнить его. Прощай, старина! Право же, я и не помышлял о твоей смерти, я только говорил о ней. А она пришла.

Есть три теории зла. Одна гласит, что материальный мир создал злой демиург. И человеку, чтобы соединиться со светом-добром, необходимо отвернуться от всего материального. Зло – это материя. Вторая теория заключается в том, что зло – это несовершенство мира, а именно возникающая в мире асимметрия. И третья теория гласит, что зла вообще нет, это только понятие. То есть зло идеально. Удивительно, как бессмысленны эти теории, раз дают такие разные, противоположные друг другу ответы.

У меня есть своя теория, как вы понимаете. Зло – это все, что противоположно моей воле. Стало быть, если что-то соответствует моей воле, то это добро. Как бы больно при этом мне самому ни было.

Несмотря на нестерпимый рвотный запах, я терпеливо ждал, когда меня вынесут из машины, а потом позволил врачам положить себя на носилки.

– Голубчик, – сказал я молодому полицейскому, когда меня несли, – с нами был четвертый человек. Он пропал.

– Имя знаете?

– Клавдий.

– Как он выглядит?

– Просто, – удивился я. – В костюме. Волосы слегка длинноватые, темные. Довольно высокий, не полный.

- Понятно. Особые приметы есть?
- Нет. А, да. Пугливый.
- Хм, - оскалился полицейский. - Трупы обычно не пугаются.
- Что вы! Что вы! Он жив. Просто от шока растерялся и убежал куда-то.
- Куда?
- Я не видел, был без сознания.
- Понятно. Поищем пугливого. А как именно авария произошла?
- На дороге появился неожиданно человек в маске. Выскочил откуда-то. И водитель резко свернул с дороги. Дальше вы сами видите.
- В маске? Как спецназ?
- Нет. Как на карнавале. В маске оленя. Еще с такими рогами широкими.
- Чертовщина какая-то. Не буду это записывать.
- Пишите. Я же говорю.
- Я напишу, что водитель не справился с управлением. Какая разница?
- Это неправда. А должна быть правда.
- Вам померещилось. Я не могу опираться на показания человека на заднем сиденье. Тем более у вас был обморок.
- Голубчик, я не буду с вами спорить. Вообще, я с вами разговариваю, потому что у вас лицо приятное. Если не хотите, не пишите. Напишут за вас. Но я бы посоветовал сообщить руководству, что дело тут не вашего уровня. Пусть пришлют специальный отдел. Вы меня поняли? Повторять я больше не буду.

– Я при исполнении, – нерешительно сказал полицейский.

– Я тоже, – отозвался я с носилок.

– Ну хорошо, только бумажной работы прибавилось.

– Это очень разумное решение. Счастливо, лейтенант. Твое имя я запомнил.

Тем временем к месту аварии слетались мои пчелки – помощники, сотрудники, подрядчики. Мне даже пришлось подписать какие-то документы, как всегда, не читая. От этого на душе становилось спокойнее. Я это делал, пока меня обследовали в машине «Скорой» и пришли к выводу, что мое тело пострадало от времени больше, чем от аварии. Затем приехали также батюшка из части – отец Казимир – и сам полковник Кузнецов. К ним я вышел уже на своих двоих.

– Борис Андреевич! – начал Кузнецов. – Вы нас сильно напугали.

– Не время пугаться, командир.

– Храни Господь, – буркнул Казимир. – Вас надо в тепло и отпаивать малиной.

– Успеете отпеть, святой отец, – сказал я и пригласил жестом гостей за импровизированный походный стол, тем временем организованный для меня рядом у дороги.

Когда мы сели, я спросил:

– Ну, рассказывайте, что тут происходит.

– Я могу доложить по обстановке и расположению групп, но оценку давать не возьмусь, – сказал Кузнецов, щуря один глаз. – Много всего зафиксировали, но объяснить не можем.

– Давайте по обстановке.

– Скажем так: пока все тихо. Но тишина очень напряженная. У них тут три лагеря.

– У кого?

– У паломников, – с задержкой, оборачиваясь на батюшку, продолжил Кузнецов. – Сами они их называют коммунами, а участников коммун – СВП.

– Как?

– СВП – свидетели Второго пришествия.

– И сколько их здесь?

– Численность различная. Лагерь православных – самый организованный, я разрешил разбить его с южной стороны холма. Он насчитывает до ста тысяч человек. У исламистов...

– Мусульман, у мусульман, – поправил Казимир.

– У мусульман, – продолжил командир, – с организацией похуже, и их больше.

– Намного?

– По нашим оценкам, втрое. Это очень подвижное образование, которое заняло западную и центральную часть за периметром оцепления Разлома. Они очень подвижны, и отдельные группы часто меняют дислокацию. Третья группа смешанная. Их пока немного, всего тысяч пятьдесят, но они совсем неорганизованные. Есть еще...

– Кто?

– Ну, это совсем другой контингент. Дети в костюмах... супергероев. Этих человек сто, не больше.

– А как они все тут живут, чем питаются? Как поставлен быт?

- Отец Казимир подробно изучал все группы.

- Да, - застенчиво и довольно улыбнулся священник. - Понимаете, Борис Андреевич, эти СВП очень одухотворенные люди.

- И что, они не едят и не гадят?

- Отчего же не едят? Просто немного. Кто что с собой принес, тот тому и рад. Они больше молятся, слушают духовную музыку, проповедуют, беседуют друг с другом.

- Слушайте, Кузнецов, четыреста тысяч... - возмутился я.

- Пока. Неделю назад было всего сто тысяч. Они продолжают поступать. И батюшка прав, пока питаются тем, что принесли. Поставок и организованных сообщений мы не наблюдаем.

- Да, - горячо подхватил священник. - Они много молятся. Не кричат. Сидят в палатках, в поле или в лесу у костров и разговаривают.

- Скоро еда закончится, начнутся эпидемии от нечистот. Будет столпотворение и бардак, многих одухотворенных людей просто затопчут во время молитвы, - сказал я.

Кузнецов посмотрел нерешительно на батюшку, потом на меня и наконец решился сказать:

- Это сложно объяснить, Борис Андреевич. Но тут такое дело. Короче, я буду оперировать только фактами. А выводы делайте сами.

- Ну.

- Когда все это началось, потребление пищи в столовой части сильно сократилось. Этак раза в четыре. То же касается питья. Прекратились конфликты среди военнослужащих. За последнюю неделю случаи нарушения устава можно пересчитать по пальцам.

– К чему вы клоните, что-то не пойму? – спросил я, точно зная, к чему он клонит. Но мне надо было услышать его собственный вывод. Вывод человека, далекого от моей жизни.

– Борис Андреевич, в лагерях паломников происходит то же, что и в части. Следовательно, – он с надеждой обернулся на батюшку, – должна быть какая-то общая причина. Нас так учили, что единое следствие – общая причина. Это не эзотерика какая-то, простите, а военное дело, логика. – Командир говорил уверенно, но на слове «логика» его голос все же дрогнул.

– Да, Борис Андреевич, – неожиданно сказал Казимир совсем другим голосом, серьезно и доверительно. – Мы с Кузнецовым много раз это обсуждали: вроде мы люди не фанатичные и до сих пор заслуживали уважения. То, что здесь происходит, совсем не так просто. Мы очень рассчитываем на вас, что вы разберетесь, и...

– Вы сомневаетесь, святой отец? – сказал я, подчеркивая каждое слово. – Сомневаетесь в моей способности в этом разобраться?

– Человеку свойственно...

– Послушайте, Казимир. Я понимаю, что вы слабы, чтобы верить своему разуму, и предпочитаете верить глазам. Я понимаю, что командир в своей жизни никогда не сталкивался с подобным.

– Никогда, – кивнул Кузнецов, глядя в сторону.

– Я даже понимаю, что все это может казаться реальным и это вас смущает. Но «после» не значит «вследствие», командир. Перед нами очевидный пример эпидемии. Я уже сталкивался с таким в Австралии.

Последние мои слова, похоже, пришлись моим слушателям по вкусу. Видя это, я продолжил беззастенчиво резать воздух откровениями, указывая им верный путь.

– Это, несомненно, тот же или подобный вирус. Он почти молниеносно поражает целые населенные пункты и вызывает такие симптомы, как галлюцинации,

бредовые идеи, может быть, тошноту.

- Тошноты нет, - как на приеме у врача, рапортовал Кузнецов.

- Понятно, - ответил я. - В части есть врач?

- Конечно, - улыбаясь, сказал Кузнецов. - Не столичный, конечно, но он много раз...

- Отлично, тогда организуем лабораторию и аккредитацию. Эти ваши СВП должны в обязательном порядке сдать анализ крови, и все зараженные будут госпитализированы.

- Но, Борис Андреевич, это же сколько...

- Времени?

- Нет, крови. Нам негде ее хранить.

- Вам и не придется. Анализы будем посылать в областной центр, я договорюсь.

- Спасибо, Борис Андреевич! Вы только приехали, а уже такое облегчение. Борис Андреевич!

- Храни Господь, - сыто пропел священник.

Гости удалились. Я набрал номер и услышал приятные длинные гудки.

- Это я.

- Да, Боря.

- У нас есть неделя. Но надо торопиться.

- Хорошо, Боря.

- Подожди, не клади.

- Что?

- Нет, ничего. До скорого.

Дела дали немного отдохнуть и прийти в себя, но скоро обязанности снова потянули меня в пучину бесконечных консультаций и управления процессами.

- Борис Андреевич, - раздался голос взволнованного Казимира в трубке тем же вечером, - вам следует знать, что у нас намечаются переговоры.

- С кем, отец мой?

- Коммуны прислали своих представителей. Называют себя епископами.

- Много их?

- Двенадцать. И еще одна девушка с ними.

- Девушка?

- Ну, да. В цветной, с трудом натянутой на тело, тряпочке. Срам один. Может, вы приедете?

- Я сейчас не могу. Узнайте, что они хотят, и перезвоните мне.

- Хорошо.

- Кстати, как идет сбор анализов?

- Желающие есть, но их совсем немного.

- Ясно.

Разговор был окончен. Тем временем мой штаб занял несколько домов в поселке, и началась работа. К счастью, бюджет был почти не ограничен, и моя команда приступила к планированию масштабных мероприятий самого разного характера. В этот раз я лично контролировал все действия, так как не хотел допустить ни малейшей ошибки. Нужно было свести воедино нашу концепцию и реальность, с которой мы столкнулись на месте, для чего требовалось изучение многих факторов. Работа нашлась почти для всех в моей компании, и дело закипело.

Поиски Клавдия, к сожалению, пока не увенчались успехом. Нашли только его окровавленный пиджак, самого мальчика нигде не было. Это было, конечно, очень печально. За последние годы я так привык к его обществу, что мне уже было сложно без него обходиться. Сердце, впрочем, подсказывало, что он жив, но голова отказывалась понимать, куда он мог деться. Я не допускал никаких чудес, хотя рассказ командира не оставил меня равнодушным. Поведение паломников еще можно было как-то объяснить, но почему солдаты вели себя так же? Может, и правда эпидемия? Во всяком случае, этому должно быть объяснение.

На территории Разлома уже несколько дней работала группа ученых. Это было забавно, потому что на фотографиях, которые мне присылали, ученые были в скафандрах, будто они работали под водой или на Луне. По совпадению, группу возглавляла Екатерина Армстронг, молодая амбициозная женщина, уже заработавшая репутацию непоколебимого борца с ересью в науке. А теперь ей предстояло бороться с тем, что называют ересью не в шутку. Как-то раз мы пересеклись с Екатериной на конференции, и она произвела на меня впечатление честолюбивого ученого с твердыми убеждениями. Поэтому я ждал отчета о деятельности группы с большим интересом и надеждой на объяснения. К сожалению, первые данные, которые поступили еще вчера, не обнадеживали. Если коротко, то ничего особенного. Все в норме. И радиация, и давление, влажность, вещества и примеси в почве, температура, все известные излучения – в норме. Биологический анализ требует больше времени, поэтому надежда на диковинный вирус еще оставалась.

Я отгонял от себя вопрос, а что, если? Если научного объяснения не будет? Как в этом случае я должен поступить? И во что мне верить тогда? Я решил оставить эти непростые дилеммы на потом и вернуться к ним только в том случае, если не найдется никакой спасительной уловки или лазейки для разума, которая поможет скрыть от себя самые важные последствия происходящего. Иными

словами, до того момента, когда, а точнее, если, произойдет что-то неотвратимое и я лицом к лицу столкнусь с чудом. С таким чудом, которое пошатнет все мои фундаментальные представления и заставит признать для себя что-то новое. Что-то, чего сейчас я не признаю.

Таков был план. Учитывая мою врожденную способность к мысленным уловкам, должен сказать, что план был совсем неплох. Ведь если я увидел бы что-то невероятное, то счел бы это галлюцинацией. А если бы увидел что-то невероятное в окружении других людей и они увидели бы то же самое, я бы сказал – это фокус или трюк. Или неизвестное еще науке явление природы, но его обязательно скоро изучат. Загнать мой разум в ловушку в таких вещах невозможно. Поэтому план был хорош и позволял не думать о чудесах серьезно. Я решил называть все это фокусами и говорить не «Батюшка, какие сегодня были новые чудеса?», а, скажем, «Ну, поведайте нам, святой отец, какие нам показывали фокусы?». Хотя, конечно, и я, и святой отец понимали, что все в этом вопросе было неконкретно. Кто показывал? Кому показывал? Тем не менее это меня устраивало.

Когда стемнело, раздался звонок.

– Добрый вечер, Казимир! Как прошли переговоры?

– Добрый, Борис Андреевич! Боюсь, что это были не переговоры. Нам объявили условия.

– Seriously? И что они хотят?

– Дело в том, что, по словам епископов, чудеса происходят теперь все чаще.

– Фокусы, говорите – фокусы.

– Дело в том, Борис Андреевич, что фокусов становится так много, а случаются они так часто, что епископы рассчитали, когда ждать, так сказать, коронный фокус.

– Коронный? – удивился я сначала, а потом догадался, о чем речь. – И что же, когда нам его ждать?

– Осталась неделя, Борис Андреевич. Ожидаем Второго пришествия в грядущий четверг.

Я задумался.

– А они не ошиблись? Какой-то день для пришествия неудачный. Я думал, что это будет, ну, скажем, воскресенье.

– Так это и будет воскресенье, Борис Андреевич. По их расчетам. Они теперь ведут исчисление дней как-то иначе, и на следующий четверг придется как раз их воскресенье.

– М-да, – сказал я. – Святой отец, у нас есть свои люди в епископате?

– К сожалению, нет. наших людей не избрали, несмотря на все наши действия и их профессионализм, – ответил Казимир. – Хотя выдвигали лучших.

– Это жаль. Ну, и какие у них требования?

– Ничего особенно. Мы, в принципе, ждали этого. Они хотят в день ВП беспрепятственно подойти к Разлому. Чтобы оцепление было снято и они могли своими глазами все видеть и молиться.

– А если оцепление не будет снято?

– Они сказали, что паломники все равно будут идти, невзирая на оцепление и вооруженных охранников.

– Пойдут грудью на штыки?

– Да. Пойдут. Так как говорят, что смысл жизни всех, кто сюда пришел, в том, чтобы увидеть чудо своими глазами. И если они не увидят, то и жить незачем.

– А что командир? Он готов их остановить?

– Эх, – вздохнул Казимир. – Я понимаю, Борис Андреевич, что вы это спрашиваете вовсе не потому, что рассматриваете такой вариант всерьез. Это гипотетический вопрос. А значит, и я могу ответить на него гипотетически, без последствий для моей души.

– Да, никаких последствий, – подтвердил я на правах старшего по душе.

– Тогда я скажу так. Кузнецов стрелять не будет. А если их водой или газом разгонять, то толку будет ноль.

– Все ясно. Святой отец, теперь я поставлю вопрос по-другому. А что, собственно, плохого в том, чтобы убрать оцепление? Почему не пустить? Ну придут они, помолятся, посмотрят свое знамение и разойдутся. Нам же лучше. В чем проблема? Нет никакой проблемы.

– Я думал, что вы понимаете, Борис Андреевич, – сказал священник тихо. – Точнее, что вы знаете, в чем проблема. Но если и вы не в курсе. Я, в принципе, тоже...

Я осекся. Пора было переходить к очередной простой инструкции.

– Значит, так. Это была проверка. Записывай.

– Да, пишу.

– Передайте епископату, что в день пришествия оцепление будет снято. Пусть готовятся, усердно молятся, медитируют. Скажите, лучше вообще пока не есть, иначе на сытый желудок они ни черта не увидят. Ясно?

– Да, Борис Андреевич. Вполне. А вы уверены?

– В чем?

– Что знамения не будет.

– Как это не будет? Оно будет.

– Да?! – удивился священник. – Значит, будет. И мы...

– Да, и мы...

– Борис Андреевич?

– Доброй ночи, святой отец.

– Доброй.

Я повесил трубку. Таких осведомленных в тонкостях идеологической работы, но слабых людей, как Казимир, надо было всегда держать в состоянии легкого шока. Это единственное, что может их сдерживать от необдуманных поступков. Что же касается знаменья, то его еще надо было подготовить. А времени уже почти не осталось. Поэтому я вернулся к работе и на время забыл про Казимира, епископов и девушку в костюме супергероя. Забыл я и про Клавдия, и Писателя, и Катерину Армстронг. Теперь надо было сконцентрироваться и наконец призвать демона вдохновения. Ничего не оставалось. Я налил себе виски.

У многих великих умов был свой демон. У Лапласа, Декарта, Максвелла. И каждый демон выполнял какую-то важную функцию. Например, мог все знать или сделать все что угодно. Я все же не причислял себя к великим, поэтому мой демон просто спал. И в этом была его важная функция. Зато, когда он засыпал, я мог видеть все, что он скрывал до этого.

И вот я ему говорю:

– Здравствуй, демон. Не желаешь ли со мной выпить?

А он отвечает:

– Ты меня снова обманешь, Борис Хитрый. Я выпью, усну, а ты сможешь увидеть все, что хочешь.

– Да зачем это мне? – обижаюсь я. – Я уже тысячу раз все видел. Поэтому и так все знаю, что там есть.

- Ну, значит, не все, - говорит демон. - Что-нибудь осталось. Или новое появилось.

Тогда я говорю:

- Слушай, а даже если и так. В чем радость твоей жизни? Разве, глядя вот на этот стакан с прохладной янтарной жидкостью, ты не желаешь его попробовать?

- Хочу, - говорит Демон, - но ведь и я уже пробовал его много раз. И отлично знаю, какой он на вкус. Зачем же еще раз пробовать?

- Тем не менее ты хочешь. И я уже вижу, что ты глотаешь слюну и весь в нетерпении от одной мысли об этой жидкости. И когда ты наконец поймешь, что мое желание ничуть не меньше твоего, мы оба обретем удовлетворение.

Демон думает и говорит:

- Ты прав, но налей мне сначала немного. Может быть, я смогу противостоять своему желанию. И попробовав, откажусь от продолжения.

- Да, - говорю, - это мудро. Выпей немного. Постарайся в первом же глотке прочувствовать все то отвратительное, что с тобой будет потом. И остановись. Ну, что? Выпил? И как?

Демон закрывает глаза, его слегка передергивает.

- Еще, - говорит он уже другим голосом. И я наливаю.

Он пьет снова и снова. После того как его глаза становятся красными, я спрашиваю:

- А вот скажи, Демон, что ты скрываешь?

- Я скрываю то, что ты и так знаешь.

- Да? Уверен? А почему ты это скрываешь? Ведь я это знаю.

- Ты знаешь, но не веришь в это. Тебе нужно меня усыпить, - говорит он, зевая, - чтобы еще и поверить в это.

- Ну хорошо, - говорю, - тогда спи. И я в это поверю.

Он засыпает. И я вижу, что все вокруг белое. Вдруг из пустоты выходит Клавдий и обращается ко мне:

- Борис Андреевич, за что вы так со мной?

- Что? - спрашиваю, не понимая.

- Вы погубили Писателя. А теперь вы хотите погубить и меня.

- Нет, - отрицаю я. - Ты хороший мальчик. Зачем мне тебя губить?! Тебя кто-то обманул. Здесь творится много странного, но я тут ни при чем.

- Борис Андреевич, разве вы не видите? Разве вы не понимаете?

- Что? Я не понимаю.

- Вы всю жизнь заставляете людей верить во что угодно. Но эти люди легковерны. Они верят вам, потому что у них в душе пустота и ее надо чем-то заполнить. А здесь совсем другое дело. Это люди одухотворенные.

- Нет, - говорю. - Вот тут, дорогой Клавдий, ты неправ. Если у человека в душе пустота, он может поверить только насилию. Я же меняю одну сильную веру на другую, потому что проще сменить ее содержание, чем научить верить в принципе. А это значит, что все люди здесь должны быть лучшей почвой для моего семени. И значит, именно здесь и сейчас всходы от моих трудов будут самыми значительными. И, может быть, войдут в историю.

И тогда Клавдий показывает мне свои руки в крови.

- Вот, - говорит, - это стигматы. Вы верите?

- Нет, - отвечаю.

- Тогда постарайтесь не верить до самого конца. Потому что стоит вам усомниться в своей неверии - и вы погибнете. И погибнет все, что вы ценили до сих пор. И тогда вы не только не войдете в историю, но и себе самому будете искренне противны.

Я задумался и выпил еще. И на свет вышел Писатель и сказал:

- Борис, ты же знаешь, что я на твоей стороне. Я всегда был на твоей стороне.

- Я знаю.

- Всегда, и сейчас нет никакой разницы, во что верят другие. Ты знаешь это. Значение имеет только то, во что веришь ты сам. И насколько у тебя самого хватит сил.

- О чем ты?

- Ну, скажем, зачем я погиб? Как ты думаешь?

- Другище, ты бы мог погибнуть зачем-то, но сейчас ты просто умер. Не зачем, а почему.

- Хорошо. Почему?

- На дороге выбежал олень. Или человек с рогами оленя, я не помню. Чертовщина какая-то произошла. Птицы летали кругами. Ты нес какую-то чушь про прощение. Все это было как-то...

- Некрасиво?

- Да, некрасиво. А ведь ты мог бы публично, при стечении тысяч изумленных фанатиков, сгореть в огне. Или быть распятым. Или вознестись, а потом

воскреснуть. А ты...

- Просто сдох в обычном ДТП?

- Да.

- Понимаешь, Борис. Ведь тогда ты бы сам не верил в то, что творишь. Ты бы не верил, что я умер и воскрес. Что я сгорел за веру. Понимаешь?

- Нет. Не понимаю. Хотя...

Я посмотрел на Писателя. Он начал таять в дымке, улыбаясь, как чеширский кот. А на его месте снова появился мой демон.

- Я снова здесь, Борис Провидец.

- Значит, я увидел все, что мог? Все, что будет?

- Да. Теперь ты знаешь все, и больше нет никакой определенности в будущем.

- Ясно. От тебя мало толку, мой добрый демон.

- Прощай.

Широкая общественность...

...Не заставила себя ждать. Пришествие иностранцев и других паломников, не говорящих на нашем языке, словом, вавилонское столпотворение случилось почти неожиданно. Железнодорожные пути к городу и дороги были уже два дня перекрыты. Однако со спутника мы видели, что со всех сторон к Разлому движутся группы людей. Многих, кто шел по дорогам, удалось остановить, не привлекая лишнего внимания, и отправить цивилизованно домой. Но до лесных облав дело пока не дошло, и вот результат. В наш век, чтобы мгновенно сообщить что-то в редакцию, отправить статью, интервью или качественный

репортаж, не нужно громоздкое оборудование. Достаточно немного везения. Мы, конечно, глушили все каналы связи, какие могли, но, если телефон отправить из леса в воздух на, прости, Господи, шаре с незначительным количеством гелия, сигнал дойдет раньше, чем мы догадаемся его сбить. А еще можно было дойти до города. Возникало чувство, что все наши заслоны – это просто крупное сито. Честно говоря, так и было. В конце концов, я так и задумал.

План был прост и по-своему гениален. Важно было, чтобы Христос-2 публично «обосрался». В переносном смысле, конечно. Я думаю, сила Христа в каком-то абсолютном пафосе, в доведенном до высшей точки величии образа, короче говоря, внешняя сторона или репутация Христа играет не меньшую, а то и большую роль, чем содержание его учения. Бог – это любовь? И даже когда он строг к тебе, он тебя любит. И ты делай все с любовью. Люби с любовью, наказывай с любовью, убивай с любовью, когда приходится. Ну что это, если не внешняя сторона? Когда добро и зло отличаются только тем, делаешь ли ты его с любовью.

Боги, как известно, не испражняются. И попы у них есть только для того, чтобы не отличаться от простых смертных, если они антропоморфные. По сути, наличие у бога попы – это вообще вопрос договоренности, так как его материальное обличье необязательно. Поэтому моя задача – приделать ему эту попу. Найти в его внешнем сияющем образе что-то такое, что покажет его конечность, а значит, и неуместность в нашем времени, где приход Христа можно рассматривать как незначительное астрономическое событие в одной из частей нашей галактики.

В юности я честно думал, не обратиться ли мне к религии. Мотив был совсем как у Паскаля – потому что это лучше, выгоднее, чем быть нерелигиозным. Это дает силы, уверенность, смысл, надежду в крайней ситуации, облегчение в горе – все то, что нерелигиозный человек должен искать извне. А тут вот, пожалуйста, все уже готово и упаковано. Выгода со всех сторон. Смущали меня две вещи. Первое: я привык полагаться только на себя, а иное казалось мне постыдным. Второе: меня смущало, что у Бога так много всего необязательного, наносного. Какой-то конкретный визуальный образ, имя, странные желания и даже поступки.

Ну, положим, что у мусульманского Бога нет образа и имени. Это уже хорошо, и намного понятнее, чем у христиан. Аллах – это просто Бог. Его изображения не существует, и оно запрещено. И это, черт побери, очень правильно, так как Бог

нематериален. У него просто не может быть образа. И он абсолютен, поэтому просто не может иметь какую-то конечную черту – такую, как имя. Но при этом у него все равно очень много конечного. Например, желания. Мы называем их Законы Божьи, но разве может что-то абсолютное иметь такой приземленный характер. Скажем, когда Бог говорит: «Твори добро», – я могу понять. Абсолютный дух дает абсолютную инструкцию. Но когда он говорит – молись так-то и так-то, или соблюдай пост, или что-то столь же конкретное – я понимаю, что этот закон писало конечное существо. То есть человек. Как и я.

Вот что меня смутило в религии. Ее конечность, конкретность, склонность к деталям. Тогда как я хотел верить широко, всем своим мощным духом, верить безгранично и абсолютно. Но такой веры я нигде не нашел. Даже в философии. Сначала меня увлек и заворожил Ницше, который дал мне широту и свободу. Так мне казалось. Скажу честно, полюбив этого болезненного немца, я смотрел по сторонам и не мог понять, почему все вокруг не любят его так же. Ведь он же не просто гений, он – все. Он – сам Бог. Но потом я увидел, что недооценил людей. Оказалось, что все, почти все сегодня живут по Ницше. И верят в его ценности, даже если не знают этого. Он вошел в ум каждого незаметно и неизбежно, как воздух. И что? Почему же мир не стал прекрасным местом? Или стал?

Теперь я не люблю Ницше, но, кроме него, у меня опять ничего нет. Нет ни восторга, ни надежды, ни твердых ценностей. Пожалуй, есть что-то, но оно настолько абсолютное, что в нем нет ничего конкретного. Ничего конечного, земного. Ничего для меня. Поэтому у меня есть только то, что я сам умею. И это, по всей видимости, и есть я. И теперь я должен встать и сделать то, что умею. Сделать так, чтобы мессия отложил свое царственное пришествие в мой мир. А для этого мне нужно все внимание каждого человека на Земле. Строгий суд самой широкой общественности, который будет страшнее любого Страшного суда.

Вот, представьте, спускаются ангелы с неба, трубят, кругом огонь, полчища саранчи, горит полынь, чудища выбираются из преисподней, чтобы мучить грешников, а на Земле... никого нет. Все улетели на Марс. Неудобно получилось. Вот уже первый сценарий. А ведь я только начал. Ну, положим, никто не улетел. А, скажем, все собрались встречать Христа, но стоило Ему явиться, каждый собственноручно себя кончает. То есть совершает самоубийство, что само собой страшный грех для тех же христиан. Стало быть, зря ангелы спустились, ни один христианин теперь в рай не попадет. Хотя еще остается надежда на тех, кому религия не запрещала суицида. Но ведь они неверные. Опять незадача.

Вы скажете, Борис Андреевич, фантазировать вы умеете. А где же реальные варианты? Без террора и сумасбродств? Но я хотел показать, что если Бога можно перехитрить одним способом, то можно и другим. Мы стали почти древними греками, почти героями, почти полулюдьми-полубогами, хитроумными обманщиками богов.

А теперь поговорим серьезно. Через несколько дней в районе деревни Малое Дядьково, военной части и стрелкового полигона имени столетия Октября и возникшего тут же чудородящего Разлома, почитаемого среди местных деревенских не иначе как Божье Лоно, на многие километры вокруг не останется места, чтобы упасть яблоку. Число ученых, журналистов со всего мира, военных, сотрудников внутренних войск и спецподразделений, блогеров и прочих уфологов, христиан, мусульман, ортодоксальных зороастрийцев, профессиональных паломников и случайных прохожих в этой области Земли достигнет нескольких миллионов. И это при том, что мы многих останавливаем, давно прекратили сообщение по железной дороге и перекрыли трассы. Местные вышки сотовой связи уже фиксируют почти миллион источников сигнала. В моем мониторинге я каждый час вижу сотню новых видео и фото, которые молниеносно распространяются по всему миру. И если еще два дня назад их никто не признавал, то теперь их обсуждает даже официальный канал папы римского в Инстаграме. «Апокалипсис будет уже на следующей неделе», – заявляют заголовки авторитетных международных изданий. «Христос вернется в грядущий четверг», – не отстают менее авторитетные. И что? Что? Разве могло это случиться само собой? Разве мог Разлом самостоятельно приобрести такую популярность в мире? Нет, конечно. Так быстро нет. Я уже начинаю помогать тебе, Иисус из Назарета. А когда ты явишься, с видеотрафиком не справятся и те дополнительные десять сотовых вышек, которые установят уже завтра.

И так далее, и тому подобное... И я думал, и фантазировал, давая волю своему креативному альтер эго, получая от этого несказанное удовлетворение, когда, к сожалению, мои мысли и фантазии были жестоко прерваны. Мне постарались указать мое место. Утром мне снова позвонила Елена Романовна, и я опять почувствовал, как этот мир несовершенен. Ты вкладываешь душу в свое дело, возвышаешься над суетой повседневности, стараешься превратить воду в вино, а тут...

– Мы решили, что надо подстраховаться. Ситуация выходит из-под контроля. С нами связываются по дипломатической линии. Дело приобретает внешнеполитический контекст.

– Все под контролем, моя госпожа.

– Мы помним ваши заслуги, Борис Андреевич, но рисковать в этой ситуации нельзя. Завтра к делу приступит параллельная группа.

– Мадам, вы все испортите. Тут нужно тонко, как скальпелем! – взмолился я.

– Решение уже принято.

– Я понял, – было больно. – Кто? Имя?

– Преподобный Пафнутий. Известный дипломат и официальный представитель патриархата.

Я не сдержался.

– Этот богомерзкий?! Но, мадам! Кто угодно, но не этот...

– Держите себя в руках. Если хотите продолжать, то придется смириться с конкуренцией.

Дело не в том, что часть бюджета ушла из моих рук. Точнее, не только в этом. Я бы не вел себя так несдержанно во время звонка только из-за денег. Тем более что в моем планировании будущего все чаще вставал вопрос об Апокалипсисе. Дело в том, что Пафнутия или «маленького жирного говнюка», как его прозвали коллеги, я знал давно. Он был таким же, как я, вольным художником с небольшой командой добрых людей, которые верили в его талант. Ведь в нашем деле это главное. Чтобы люди верили в твой талант и не могли понять, как ты все это делаешь. Но у Пафнутия всегда была мерзкая черта – он хотел личной славы и ради нее был готов на все. Отсюда и прозвище. Он публично ругался и еще более публично мирился с теми, с кем ругался. Вставал на колени, плакал, посыпал свою голову пеплом, а потом снова публично ругался и выкладывал в социальные сети плаксивые сообщения – ну как же так неудачно вышло, стяжая понимание. И многие неоднократно попадались на эту удочку. Но я никогда не мог этого понять.

Потом Пафнутий погорел на наркотиках и ушел на службу консультантом к силовикам. Там его приняли как родного и использовали для своих карьерных нужд. Пафнутий мастерски продвигал нужных и избавлялся от ненужных. Так было несколько лет. Пока он снова не возжелал личной славы. На этот раз ему показалось мало конфликтов с равными себе, и он решил публично обидеться на министра. А по факту сам его оскорбил, попутно смешав с грязью дюжину его подчиненных. Больше всего меня удивляет живучесть таких людей, потому что и после этого его тело не нашли в областной земле, а отпустили с миром. И наш Пафнутий решил, что это знак свыше, и принял сан священника. Там «маленький жирный говнюк» за пару лет стал официальным представителем церкви. Все дело в том, что, несмотря на мерзкий характер и внешность, он умел расположить к себе чувствительных людей, давая на жалость и высокие мотивы. Прикинувшись просветленной Магдалиной, Пафнутий втерся в доверие к патриарху, который хоть и не был человеком наивным и сознательно противился влиянию преподобного, однако и его достиг сладкий яд, многим внушавший, что Пафнутий не негодяй, а, напротив, очень светлая, но запутавшаяся душа, стоящая у самого входа в Праведность. А кто не сомневается, пусть первый бросит камень.

Если бы Пафнутия не было, его не надо было бы придумывать. Но он есть и, к сожалению, является органической частью любого общества, как напоминание о том, что добро должно быть с кулаками. Появление Преподобного у Разлома в первый же день ознаменовалось двумя событиями – Конференцией и Доносом.

Свита из экспертов и звезд, как труппа бродячих артистов, ездившая везде за Преподобным, устроила нравственное выступление. Усатый ученый рассказал изумленной публике, что Разлом исследовали и обнаружили там радиоактивные вещества, которых на Земле раньше не было. Ранее подобные были найдены на спутнике Юпитера. Затем выступил артист, который очень эмоционально рассказал о том, как он соперживает всем собравшимися, и сам очень ждет Второго пришествия, и как он будет расстроен вместе со всеми, если этого не случится. Ведь столько раз ждали этого чуда, а оно не произошло. Поэтому надо сейчас уже готовить свою душу к худшему. Следом выступил психолог, который посоветовал не бояться читать иногда Фрейда. Тот, конечно, был шарлатан, но кое-что из Фрейда стоит знать почти как «Отче наш». Например, в «Тотем и Табу» почти в деталях на примере архаичных племен описывается то, что мы видим и тут, у Разлома. И не надо думать, что амбивалентные чувства, которые вас переполняют, есть что-то новое. Дикари испытывают ровно то же почти каждый день.

Все эти мыслители современности, конечно, только готовили почву для выступления Преподобного. В своей недолгой, но яркой речи Пафнутий вспомнил, как он еще ребенком бывал в этих местах и чувствовал их особую энергетику, как его существо манило и притягивало к этому холму много лет. Тем не менее он призвал всех быть разумнее, потому что о Втором пришествии, если оно случится, все должны узнать из официальных каналов. Сам он в него не очень верит и даже не может исключить на самом деле явления Сатаны.

К счастью, у слушающих интерес пропал довольно быстро, и даже не нашлось никого, кто хотел бы задать докладчику вопрос. Поэтому Конференция продлилась всего минут сорок и закончилась раздачей подарочных Евангелий с напутственной подписью Преподобного. Некоторые экземпляры остались после конференции лежать прямо на земле.

Донос Преподобного был столь же в его духе, как и Конференция. И тут я понял, что кое-что забыл. Точнее, упустил.

Иегова, или Яхве...

...Был древним авраамическим богом евреев, потом вошедшим под именем Иегова в христианство. А яхвизм был ранним и очень кровожадным этапом просвещенного иудаизма, ставшего больше образом мысли, чем религией. Надо сказать, что во времена, когда в Бога или богов действительно верили, религиозная жизнь людей бурлила, как хороший наваристый бульон, переливаясь всеми красками. Число разных интерпретаций одного только христианства было сложно измеримым, не говоря уже о предшествующих религиозных течениях. То, что мы имеем сегодня в виде канона, и то, что нам кажется само собой разумеющимся, это мертвый памятник истории, такой же, как статуя Давида. Сложно в современном мире представить откровенный спор двух людей о том, как выглядит Бог. Или как его зовут. Пожалуйста, сходите в музей, который называется церковью, и посмотрите. Откройте один из главных памятников культуры – Святое Писание – и почитайте. Но так было, конечно, не всегда. Потому что, когда еще были живы те, кто видел Бога, и даже те, кто видел тех, кто видел Бога, все в нем еще допускало трактовку очевидцев, вызывало споры и сомнения, вопросы и удивление, восторг и счастье познания. Поэтому теперь, когда снова по земле ходили свидетели Его, следовало ждать

нового знания о Нем, новых версий и течений.

Рядовые Петренко и Дунаев находились под стражей уже больше двух недель. Их не отпускали не потому, что они нарушили устав и по уставу их следовало судить, а потому, что не знали, что с ними делать. Эти двое не только покинули пост во время своего дежурства, но и напрочь лишились чувства реальности, по словам старшего прапорщика. Приведи их на трибунал, и они опозорят сам институт трибунала своим поведением. Я попросил сначала аудиенции с Дунаевым. Его семья исповедовала суннитскую версию ислама, но была весьма умеренна в своей религиозности, а сам он, по словам родных, вообще не проявлял интереса к обрядам и даже не молился как положено. В этом смысле деревенский парень Петренко был менее предсказуем, и я начал с его боевого товарища. Когда-то христианство было городской религией, а теперь наоборот. Чем дальше от большого города, тем больше шансов встретить набожного человека.

– Рядовой Дунаев?

– Так точно.

– Ну вот, – засмеялся я нарочно. – Имя свое и звание помнишь уверенно. Без подсказки. А говорят, ты от реальности оторвался.

– Я? – Он боязливо оглянулся. – Может, и оторвался.

Будет сложнее, чем хотелось бы, подумал я.

– Ну, хорошо. Я понимаю, что тут до меня было много тех, кто задавал вопросы. Можешь ответить еще разок? Мне нужна твоя помощь.

Дунаев вздохнул и промолчал, покорно опустив взгляд.

– Давай так, – сказал я. – Я не осуждать тебя пришел и не смеяться. Более того, я могу тебя отсюда вытащить. Но ты должен просто мне все рассказать. Как было.

– А вы кто?

– Я? Борис Андреевич. Не слышал?

– А почему в этом халате? Вы артист?

– В какой-то степени каждый из нас артист. А мне просто так нравится. Разве не красиво?

Глаза Дунаева расширились от любопытства. Кажется, ему никогда еще в голову не приходила мысль, что что-то не связанное с женщинами может быть красиво. Он издал звук, похожий на икание, но я принял его за согласие.

– Расскажешь, как все было? И я в этом же халате пойду к командиру части и замолвлю за тебя словечко.

Дунаев думал недолго. Надо сказать, что до сих пор он производил впечатление более или менее нормального юноши. И это казалось игрой. Вот-вот я ждал, что проявится его истинная сущность.

– Что тут рассказывать, – начал он, снова опустив глаза. – О Разломе уже давно много говорили в деревне и в части. Там всякое случалось. Я туда не ходил, хотя у нас бегали.

– Так?

– Потом приказали его оцепить. Значит, привезли сетку и колючую проволоку. И мы дня три посменно его обносили, устанавливали посты. В одном месте пришлось часть леса вырубать, чтобы все было правильно.

– Ничего необычного не было?

– В том-то и дело, что ничего. Все как обычно.

Ну же, парень? Где твои откровения? Дай же волю желанию поделиться, поведать дяде Боре все как было.

– Хорошо. А потом?

- Потом нас поставили на главном посту в караул.

- А какой главный?

- Тот, который ближе всего к части. Так сказать, парадный вход.

- Похоже, что вам повезло. Не в лесу же стояли.

- Ну, да. А ночью Петренко пошел в обход нашей зоны. И тут, понимаете... - Он нерешительно замялся.

О, кажется, начинается, подумал я.

- Что? Видения какие-то?

- А? Да нет. Я же не того, - он покрутил у виска.

Какая жалость.

- Конечно, конечно. - Я сделал максимально серьезное лицо и одобрительно кивнул.

- Нет, никаких видений, все штатно. Возвращается Петренко, но какой-то странный. Двигается странно. Я говорю, на всякий случай и еще в шутку, мы так иногда шутим: «Стой, кто идет?» А он не засмеялся, а не своим голосом и так как-то громко очень, как из бочки: «Я Бог Отец. Здесь придет Сын мой».

Я подарил Дунаеву одну из своих улыбок, говорящую: «Ты на правильном пути, сынок».

- Скажу честно, что уже трухнул слегка, и говорю: «Петренко, что с тобой?!» Сам достаю оружие на всякий случай и невольно заряжаю. А он снова, как гром приглушенный: «Я Бог Отец. Здесь придет Сын мой».

- Так, и что?

- Но тут я вижу, что позади того стоит еще один Петренко и смотрит на меня и на этого, раскрыв рот от изумления.

Давай, Данте Алигьери, жги, подумал я.

- Ну, мне тут стало совсем не по-детски жутко. Но я пока не двинулся и просто оцепенел с оружием в руках.

- А ты оружие на него направил? - уточнил я.

- На кого? А, нет, опустил в землю. Руки стали тяжелыми и как будто сами вниз пошли.

- Не по уставу. Оружие заряженное.

- Да, не по уставу. А по уставу мне надо было второе предупреждение сделать. И два предупредительных. А потом на поражение. Вот только... - Он опять замялся.

- Так?

Дунаев смотрел в сторону стеклянными глазами.

- Этот, который ближе был, вдруг исчез. И знаете что?

Я молчал, боясь лишиться бойца вдохновения.

- И тут я не вижу, не слышу, но понимаю, что он прямо за мной. Я боюсь пошевелиться... - Он замер, и возникла пауза.

- Как это «понимаю»? - спросил я наконец.

- Не знаю, я просто это понимал.

- И что?

– Потом-тот голос раздался внутри меня, и очень-очень громко. А потом была за спиной такая яркая вспышка, что все передо мной стало видно, как днем.

– И Петренко? – спросил я, чувствуя, что мой рассказчик начал путаться в показаниях.

– Что Петренко?

– Его тоже стало видно, как днем? Он же перед тобой был.

– Не помню, – он удивленно посмотрел на меня. – Да, и Петренко. Точно. Но мы с ним не разговаривали. Я наконец смог двигаться, и побежал. Бросил оружие, и в лес. Я не все помню тут. Помню, что навстречу мне бежали какие-то люди. Зачем, я не думал. А потом. Утром нашли меня на опушке.

– Что ты там делал?

– Сидел.

– Просто сидел?

– Да, я там все время сидел. Но нашли меня только утром.

Я посмотрел на Дунаева и вдруг подумал, что он мог там и правда сидеть несколько часов, вообще ни о чем не думая. Такой у него был теперь вид. И вот я смотрел на него и думал, какой вердикт выносит рассказу этого солдата Борис Андреевич, то есть я. И признаюсь честно, пока вердикта я не вынес.

– Спасибо, рядовой. Скажи-ка, а Петренко твой рассказ подтвердит?

Он задумался на пару секунд.

– Должен. Разве нет?

– Ты мне скажи.

- Должен.

Я попросил оставить Дунаева в соседней комнате, а дверь туда не закрывал, и привести Петренко. Как я почему-то и ожидал, парень был рыжий, с голубыми глазами. Смотрел на меня очень запросто, явно выражая готовность поговорить.

- Рядовой Петренко?

- Да, он самый, - с ухмылкой начал он, - раб Божий, Бога наблюдавший. Шо вам рассказать?

Звук «г» он произносил с акцентом.

- Ну, давай сразу начнем с того момента, когда ты возвращался ночью на пост. Что ты увидел?

- Бога увидел. Егову.

- Егову? А как ты это понял?

- Шо?

- Ну, что перед тобой Бог? И именно Иегова?

- Да он сам сказал, - молвил Петренко радостно. - Я Бог. Тут не ошибешься.

- Ты раньше часто богов видел?

- Ни разу. Впервые, стало быть.

- Как же ты их различаешь, я не пойму? Почему это был, например, не Христос?

- Да ну, Христос. Неужели я бы не отличил? Егова совсем не такой. - Петренко повел ладонь вверх, как бы показывая движение стоящего на его ладони. - Он многоликий, светящийся, и голос у него как гром.

Я призадумался.

- Ты же православный, - говорю.

- Ну, конечно.

- Так знаешь, наверное, что твои слова богохульство?

- Почему?

- Бог триедин. И нет отдельно Иеговы или Христа. Может, ты еще Святого Духа видел?

- Может быть, - растерявшись, сказал Петренко.

- И то, что ты говоришь про Бога, что он многоликий, - это страшный грех. Нельзя самому трактовать Библию.

- Так я ж, - заволновался рядовой. - Я ж сам видел. Ну своими глазами же.

- Мало ли что ты видел. Церковь думает, что ты видел Сатану и поддался его искушениям. И поверил в него. Тебя, знаешь ли, хотят отлучить от церкви.

- Как это?! - почти закончил Петренко. - Я же! Я Богом клянусь!

- Подожди, не горячись. Лучше скажи, ты видел Дунаева на посту. И что он делал?

- Ну да. Дунаев. Я иду обратно, темно. Вижу, рядовой Дунаев мне навстречу идет, а не должен же. Он должен был на посту быть.

- И?

- Подходит ко мне и говорит как-то...

- Как?

– Как гипноз. Вкрадливо, то есть.

– Что говорит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korn_vladimir/chudo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)